

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

<http://unism.pjwb.org>

<http://unism.pjwb.net>

<http://unism.narod.ru>

Поскольку экономика и экономические отношения лежат в основе культуры в целом, и любые формы рефлексии вырастают на этой почве, никакое мировоззрение не может быть последовательным без определенной позиции по экономическим вопросам. К сожалению, явно сформулировать эту позицию удастся не всегда. Фрагментарность и несистематичность жизненного пути — закономерное порождение определенных общественных условий. В качестве намека — заметки, написанные в разное время; многое связано со страной, которая давно перестала существовать, кое-что устарело. Но остался капитализм, и осталась классовая борьба. Формы ее в современных условиях сильно изменились — это не меняет ничего по существу. Поэтому что-то в этих заметках может представлять не только исторический интерес. В любом случае, они служат иллюстрацией некоторой идейной позиции, показывают еще одну грань целого, дают идею полноты.

Органичная экономика?

Мир иерархичен, и на каждом уровне иерархии есть нечто особенное, делающее этот уровень непохожим на другие. Однако рост иерархии происходит за счет возникновения новых уровней рефлексии, и на каждом уровне иерархии все предыдущие уровни так или иначе представлены, и в определенных условиях внутреннее движение более высокого уровня происходит по законам нижележащих уровней, сводится к ним в своих проявлениях. Это не означает действительного и буквального сведения более развитых формаций к чему-то более примитивному. Любое подобие здесь условно и не может существовать всегда. Но такие фазы развития логически необходимы для выстраивания нового, и они могут держаться довольно долго и по отношению к индивиду предстают постоянной закономерностью его среды обитания.

В частности, экономика относится к более высокому уровню рефлексии, чем биологическое развитие, — однако на определенном этапе в экономике необходимо проявляются квазибиологические черты, и хозяйственный комплекс начинает вести себя как живое существо, и развиваться как биологический вид. Подобное «вырождение» возникает как на уровне экономики в целом, так и в отдельных отраслях, и на единичных предприятиях. Тем самым воспроизводится не только общий принцип строения биологического уровня рефлексии, но также его внутренняя иерархия, соподчинение уровней и видов живого.

Так, если хозяйственный комплекс воспринимается как организм, напрашивается сравнение транспорта с кровеносной системой, связи с нервной системой, центров производства с железами секреции и т. п. Можно увидеть в добывающих отраслях аналог пищеварительной системы и органов дыхания, есть и нечто вроде выделительной системы. Нетрудно найти и подобия органов чувств. Разумеется, нельзя абсолютизировать подобные аналогии, — но не следует и пренебрегать ими, не придавая им значения. Подобие не случайно, оно обусловлено состоянием экономики, способом производства. Появление органических черт в экономике — процесс безусловно позитивный, поскольку это означает преодоление стихийности, присущей более низкому, «неорганическому» уровню развития. Хозяйственные единицы перестают взаимодействовать подобно физическим или химическим системам, они становятся достаточно индивидуализированными, чтобы вести себя как живые существа. Следовательно, экономика в

целом приобретает направленность, эволюционирует.

Однако, с другой стороны, «органичность» экономики есть свидетельство ее отсталости, неразвитости. Развитие производства связано с возникновением разума, и экономика возможна только на основе деятельности разумных существ. Собственно экономикой она является лишь поскольку в ней есть элемент разумности. Там, где она сводится к организму, — налицо дефицит разума.

Господство рыночной стихии несовместимо не только с разумом, но и с органикой. Но движение от неживого к живому, и дальше к разуму, — всеобщий закон развития. Поэтому появление органических образований в недрах капитализма свидетельствует о неизбежности его отмирания, о необходимом перерастании его в нечто более организованное, хотя все еще далекое от разумности. Потребуется много времени, чтобы на основе органической экономики посткапитализма вызрела подлинно человеческая, разумная экономика. Но то, что уже сейчас мы способны мечтать об этом, — зародыш будущего, слабый отблеск его. Как говорил поэт Мерайли, если есть искра — возможно и солнце.

Об организации науки

Есть наука — и наука. Внутренняя организация науки как уровня рефлексии складывается в ходе ее собственного развития — и никакому административному вмешательству не подвластна. Другое дело наука как общественный институт. Это уже не только движение мысли, но еще и значительные материальные и трудовые ресурсы, которые, возможно, пригодились бы где-то еще. В буржуазном обществе ученые конкурируют друг с другом по правилам рыночной экономики и заняты часто не тем, что бы такое открыть, а тем, как выгоднее продаться. В результате к науке примешивается изрядная доля рекламы, плюс заверения в бесконечной преданности духу капитализма. Ученый говорит не то, что диктует ему природа, а то, что, по его представлениям, хотелось бы слышать господам-спонсорам. Организация науки сводится поэтому к нагромождению случайных структур, хаосу тем и направлений, из которого что-то определенное вырисовывается только в ходе естественного отбора.

В разумно организованном обществе организация науки — часть организации производства в целом, объединяющей материальное и духовное производство. Принципиально ученый не отличается от рабочего, управленца, работника сферы услуг или, скажем, литератора. Все они связаны в рамках выполнения общей задачи, и трудятся не ради выживания, не ради стяжательства, а потому, что им это нужно для личностного развития, для того, чтобы чувствовать себя человеком. Само различие профессий в таком обществе — чистая условность, явление временное и несущественное.

Разумная организация науки должна соответствовать ее внутренней логике — отражать ее собственную иерархичность. А это значит, что не может быть абсолютного приоритета одного уровня по отношению к другим, что любые области научного исследования равнозначны и одинаково заслуживают уважения и поддержки. И, разумеется, один ученый не может предписывать другому ученому, что тому следует делать и как поступать с результатами исследования. Понятие «научного сообщества» принадлежит прошлому, наряду с прочими пережитками стадности и общинности. Наука принципиально открыта, всякие могут в нее войти, и слово новичка отнюдь не менее авторитетно, чем суждение опытного исследователя.

Как тогда общество регулирует деятельность ученых? Прежде всего — через осознание общественной потребности. Если в работе буржуазного ученого это потребность проявляется лишь в конечном счете, опосредованно, то разумная организация (и самоорганизация) науки опирается на четкое понимание первостепенной важности определенных направлений в силу объективных обстоятельств экономического и духовного развития. Речь не идет о том, чтобы

ограничивать выбор тем; напротив, нетрадиционные подходы всячески приветствуются. Однако человек разумный, живя в разумно устроенном обществе, естественно проникается его интересами и его личные интересы им никак не противоречат.

Общество не «управляет» наукой, а создает инфраструктуру для взаимодействия разных ее уровней и других отраслей производства. В соответствии с общими онтологическими принципами, для творческого обмена требуется универсальный внешний носитель; тогда не будет риска возникновения замкнутых структур, работающих на самих себя. Следовательно, как научные результаты, так и постановка проблем сосредотачиваются вне науки, в системе сбора и распределения научных данных. По направленности рефлексии, например, можно предполагать относительно самостоятельное существование трех уровней:

1. *Эмпирическая рефлексия* — отраслевая наука, направленная на потребности производства, но не связанная ими. Лаборатории при соответствующих производствах, связанные между собой, и решающие общие задачи, независимо от физического нахождения. Предприятия предоставляют материальную базу для развития науки, включая создание мощных экспериментальных установок. Исходный материал для выделения направлений исследования: «снизу» — инженерные проблемы, «сверху» — качественные выводы теоретической науки и основные принципы научной методологии, «изнутри» — интуиция практика. Преимущественно экспериментальная деятельность: приготовление приборной ситуации, регистрация событий, измерения. Результаты: базы эмпирических данных, сообщения об особенностях и аномалиях (не через публикации, не персонально — а путем размещения в соответствующих информационных системах), технологические идеи, специальные методики, опыт работы с оборудованием.
2. *Теоретическая рефлексия* — теоретическая и прикладная наука. Построение теорий разного уровня и получение качественных выводов для нужд эмпирического исследования. Нет привязки к определенной экспериментально-производственной базе, существенно межотраслевой характер. Материальное обеспечение — в основном вычислительная техника и коммуникации, однако возможно создание специальных (межотраслевых) исследовательских центров — с постепенной передачей их на эмпирический уровень по мере формирования новой отрасли. На входе: «снизу» — эмпирические данные (обнаруженные эффекты, зависимости и аномалии, единичные факты и классификации) в общей межотраслевой базе данных, доступном любому ученому (и любому желающему им стать); «сверху» — банк идей и концепций, методологический принцип и теоретических схем (« типовые » решения); «изнутри» — банк подходов, теорий, моделей и аппроксимаций, примеры междисциплинарных заимствований, опыт построения формальных систем. На выходе: решения конкретных задач, набор *качественных* результатов, в форме, пригодной для использования в эмпирической науке; постановка задач для эмпирического, теоретического и методологического уровней; методики, схемы теорий, приближенные методы в едином банке знаний. На этом уровне существует специализация — вплоть до временного ухода в эмпирическую науку. Однако возможно соединение любых отраслей знания с образованием особой науки, со своей областью исследований.
3. *Методологический уровень* — фундаментальная наука, метанаучные исследования, прикладная философия. Принципиально «внеэкономическая» форма организации, отсутствие фиксированных структур и даже метастабильных коллективов. На этом уровне обобщаются направления промышленного и социального развития, суммируются главные практические запросы. Вход: обобщенные результаты теоретического уровня в единой базе знаний; задачи с уровня науки в общем банке проблем, банк идей и концепций (для использования на всех уровнях). Выход: схемы теорий, концепции, методологические принципы и парадигмы для теоретического уровня; идеи в банке идей; «картина мира», концептуальные рамки для эмпирического уровня. Здесь нет отдельных научных областей, важна мобильность: каждый имеет представление обо всем, и при желании занимается

всем, связывая отдельные теории воедино. Материальная база — доступ к базам данных и базам знаний, к банку идей, к специальной информации других уровней. Возможность временной специализации для более углубленного знакомства с предметом методологического исследования.

На каждом уровне есть связь с другими — но только через единые хранилища исходных данных и результатов. В результате потоки информации обобщаются при движении *в любом направлении*, хотя разные уровни применяют ее с разной степенью селективности и детализации. Подвижность людей по горизонтали и по вертикали — здесь очень важно иметь такую организацию производства, которая позволяла бы свободную миграцию кадров и различные степени участия. На каждом уровне рабочие группы создаются вокруг конкретной проблемы, объединяя людей, которые хотят над ней работать, лишь на время работы. Потом группа распадается, и формируются новые группы. Каждый человек может работать одновременно в нескольких таких группах.

Такая организация науки в общих чертах похожа на работу психики человека. Отдельные элементы начинали складываться в СССР — однако отсутствие реальной экономической базы не позволило этому направлению развиваться сколько-нибудь значительно.

Возможно, аналогично могут быть организованы любые области деятельности. Важно, чтобы каждый занимался таким делом, необходимость которого подтверждена запросом от практики, и чтобы эта деятельность давала конкретный, практический результат (пусть даже на очень высоком уровне рефлексии). Тогда у человека будет чувство ответственности и собственной значимости.

Уровни распределения

Главное внутреннее противоречие любой экономики — между уровнем производства и спросом. Человеческие потребности всегда опережают рост производительных сил — это фундаментальный экономический закон, указывающий, что развитию экономики нет конца, и всегда найдется, куда двигаться дальше. Но продукты производства редко попадают напрямую к потребителю; общественное богатство должно как-то распределяться между претендентами, а способы распределения в разные эпохи различны.

Простейший механизм распределения — захват и поглощение: только добыли что-то — и сразу же его потребляем, не задумываясь о нуждах других и общества в целом. Так ведут себя низшие животные, с их примитивным метаболизмом. Этот тип реакций обычен для совсем маленьких детей; как правило, в процессе социализации он подавляется. Однако рецидивы такого вытесненного поведения прослеживаются и во многих поступках взрослых, и мы определяем их как антиобщественные, преступные или как психическое отклонение.

Уже у высших животных наблюдается другой тип поведения, когда доступные блага распределяются в соответствии с положением каждого в некоторой структуре доминирования. По сути, этот тип распределения мало отличается от поглощения — только особи более высокого ранга могут потреблять добытое другими. Это предполагает определенный уровень коллективности и разделения функций: добыча группы рассматривается как результат совместных усилий, а не индивидуальное достижение, и поэтому принадлежит она группе в целом и должна распределяться по групповым ролям. В животных сообществах ранг его членов обычно определяется физической силой, которая на этом уровне прямо связана с жизненно важной способностью добывать пищу. Структура доминирования часто устанавливается демонстрацией или применением силы в отношении особей низшего ранга, вплоть до их уничтожения.

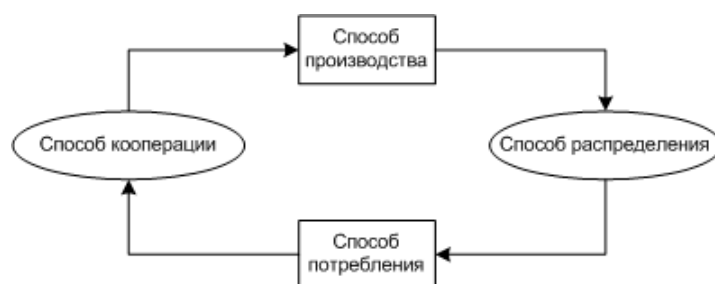
На еще более высоком уровне различные формы общественного поведения животных

встраиваются в организм через инстинкты и условные рефлексы; это может создавать впечатление врожденной социальности. Так, домашняя кошка может принести котенка с улицы и покормить его — или, бывает, стащит кусок масла у соседей (поймает мышь) и принесет своим человеческим компаньонам... Такое общественное поведение уже не требуется навязывать — интересы группы стали органическими интересами животного.

Похожие ступени наблюдаются и в истории человечества, но уже на другом базисе. Поскольку животное не *производит* блага, а только добывает их, его положение в структуре доминирования зависит от условий жизни группы, оно не является характеристикой индивида. Иерархия довольно подвижна, и может перестраиваться по мере изменения физического состояния членов группы. Роли не принадлежать индивидам; напротив, индивиды вписываются в структуру. В человеческом обществе мы уже видим стабильные социальные позиции, определенные объективным развитием способа производства и соответствующей организацией общества. Соответственно, вес биологических факторов (и в частности, индивидуальных качеств) в установлении обязательств и привилегий оказывается пренебрежимо мал, и доступная каждому доля общественного богатства определена социально.

Человечество начинает там, где биологическая эволюция достигает своей кульминации — и встроенная социальность поведения у человека является исходной предпосылкой. Но формы социальности выстраиваются у каждого под воздействием общественного устройства.

В развитии любого общества выделяются основные этапы — общественно-экономические формации, а каждая формация характеризуется доминирующим способом производства и соответствующим способом потребления. Присущий данной формации способ распределения связывает производство и потребление, а достигнутый уровень кооперации показывает, как распределенные ресурсы участвуют в новом цикле производства:

Способ распределения — один из аспектов общественно-экономической формации, и должен рассматриваться в общем контексте экономического развития. Формы распределения зависят от достигнутого уровня производительных сил и не могут быть установлены произвольно без изменения способа производства и способа потребления, они требуют определенного уровня производительности труда.

Экономика первобытнообщинного строя характеризуется низкой эффективностью и скудностью доступных ресурсов. В таких сообществах распределение неизбежно становится «прагматичным»: требуется обеспечить выживание группы — и блага распределяются прежде всего между теми, кто может быть для этого полезен. В XX веке такой тип распределения возродился во время первой мировой и последующих войн, при острой нехватке медикаментов в полевых условиях, в понятии «триаж» (медицинская сортировка). При ослаблении нормальных экономических механизмов способ распределения деградирует до первобытного уровня, хотя бы и в осовремененном варианте. Впоследствии американские идеологи распространили этот принцип на общество в целом.

На смену первобытнообщинному строю приходит новая стадия, собирательно именуемая цивилизацией. В обществах этого уровня распределение потребления опосредуется *отношениями собственности*, а способ распределения приобретает форму *присвоения*. Производительность труда уже достаточно высока для удовлетворения минимальных

биологических потребностей, однако недостаточна для достижения социального равенства.

В истории цивилизации три основных общественно-экономических формации: рабовладение, феодализм и капитализм. На каждой из этих стадий свои способы распределения, но различие их лишь в конкретных формах присвоения, и между тремя формациями много общего. Важно, что присвоение всегда ведет к преимущественному положению части общества и возможности обладать гораздо большей долей общественного богатства по сравнению с теми, кто это богатство производит. В результате богатые могут управлять бедными, а те вынуждены подчиняться навязанным сверху законам. Меньшая часть общества эксплуатирует трудовые массы в своих собственных интересах, подавляя их способности и желания.

Три эксплуататорские формации различны по форме социального неравенства, в соответствии отношением различных общественных слоев к собственности. Так, рабы, как правило, лишены собственности и сами рассматриваются как собственность; все, что они производят, присваивается рабовладельцем. Таким образом, общество явным образом расщеплено на два основных уровня (класса): те, кто может иметь собственность, и те, кто ее полностью лишен. При феодализме все члены общества могут в ограниченной мере обладать собственностью, но продуктивные слои по-прежнему подчинены высшим сословиям (хотя и не являются, вообще говоря, их собственностью) и вынуждены отдавать им плоды своего труда. Но только при капитализме присвоение приобретает подлинную универсальность, и каждый вправе иметь любую собственность без формальной обязательности с кем-то делиться.

Конечно, в действительности чистых абстракций не бывает — и в истории тоже. Можно обнаружить в капиталистической экономике черты феодализма, рабовладения и даже первобытнообщинного строя — это его глубинные слои. Например, государственное регулирование экономики всегда выходит за рыночные рамки, использует внеэкономические рычаги (в основном феодального характера). Аналогично методы «теневой экономики» (которая в некоторых странах может быть весомее экономики легальной) зачастую напоминают рабство. Общинность занимает при капитализме особую нишу, будучи представлена пестрым клубком (формальных и неформальных) саморегулирующихся ассоциаций, выступающих на рынке в качестве коллективного собственника.

Основной закон распределения на этапе цивилизации гласит: доля совокупного продукта, присваиваемая каждым субъектом (и, следовательно, объем его гражданских прав) пропорциональна уже накопленной им массе собственности. У кого ничего нет — полностью бесправны. В эпоху рабовладения это явное требование — при капитализме оно действует как динамический принцип.

Однако экономическое и социальное развитие никогда не прекращается. Цивилизация стала диалектическим отрицанием первобытнообщинного строя — по логике, ей на смену должна прийти более развитая экономическая система.

На стадии постцивилизации возникают принципиально новые экономические механизмы. Она преодолевает эксплуататорский характер экономики, основанной на присвоении. Как отрицание отрицания, этот уровень должен воспроизводить какие-то черты общинного строя, но в преобразованном виде, сохраняя достижения цивилизации. Сейчас трудно вообразить себе новые формы распределения. Весьма вероятно, что само противопоставление производства и потребления со временем изживет себя, и особая система распределения станет вообще не нужна, равно как и общественное регулирование совместной деятельности. Что-то вроде поставки по первому требованию, в разумных рамках, — это предполагает как высокую эффективность производства, так и развитую культуру потребления. Разрыв между

потребностями и возможностью их удовлетворения станет явлением преходящим, и все желания людей (включая выходящие за рамки среднего уровня жизни) должны со временем исполняться. Это касается и таких продуктов, которые по своей природе уникальны, а также деятельств, требующих огромных ресурсов. Хорошо сбалансированная экономическая система может иногда позволить себе быть расточительной.

Теория указывает, что столь высокий уровень развития вряд ли достижим на стадии постцивилизации, — это перспектива более отдаленного будущего. Постцивилизация — это все еще экономика внутреннего разделения и ограничений, и ей нужно как-то справляться с неизбежной нехваткой ресурсов и невозможностью ответить на любой спрос. Здесь уже нельзя опираться на традиции (как в первобытной общине) — но отпадает и произвол собственника (как на стадии цивилизации). Формально, иерархическая логика предсказывает, что регуляция экономических процессов на этапе постцивилизации должно определяться направлениями их объективного развития. Понятно, что для этого человеческий разум должен стать достаточно зрелым, чтобы сознательно конструировать будущее, а не просто дожидаться его. При капитализме о разумности говорить не приходится.

Пусть тогда наши попытки предвосхитить отдельные черты экономики будущего будут чем-то вроде мысленного эксперимента, игрой ума. Возьмем уже упоминавшуюся систему триажа, которая возрождает элементы первобытнообщинного строя в экстремальных условиях, при уровне обеспечения существенно ниже общественно достаточного. Традиционная теория предписывает сконцентрировать имеющиеся ресурсы там, где вероятнее всего ожидать эффективной деятельности или достижения каких-то общественных целей. Считается совершенно бесполезным расходовать ценные запасы на тех, у кого все равно «ничего не выйдет». Иногда дать явное обоснование затратам бывает сложно — однако это, скорее, исключения, не отменяющие общей направленности. Часто идею триажа иллюстрируют колоколообразным графиком гауссоиды, с максимумом в зоне оптимальных затрат и дисперсией (шириной) распределения связанной с количеством доступных ресурсов.

Такая схема совершенно не годится для универсальной экономики отдаленного будущего, в котором экономика достаточно мощна, чтобы удовлетворить любые разумные потребности, и речь идет о распределении излишков (то есть исполнении желаний, выходящих за рамки обычного). Однако даже на стадии постцивилизации характер логики совершенно меняется. Экономика уже в состоянии стабильно поддерживать базовый уровень активности, и для общества гораздо важнее сосредоточиться на проблемных областях, поскольку именно там вероятнее всего ожидать нестандартных решений, революционизирующих экономическое развитие. Хорошо известно, что самые яркие открытия обычно возникают там, где исследования признаны бессмысленными и далекими от практики; люди, работающие над такими задачами, должны интеллектуально опережать свое время — и как раз они меньше всего способны выжить в критической ситуации, требующей более примитивного поведения. Поэтому стратегия постцивилизации в области распределения — это нечто вроде «триажа наоборот», когда дополнительные ресурсы концентрируются именно в периферийной зоне, пусть даже за счет понижения среднего уровня потребления для общества в целом — ради возможного прорыва в будущее.

Жизнь в долг, смерть в рассрочку

Если потребуется найти экономическую категорию, в которой полнее всего отражено уродство капиталистической экономики, выбор однозначен: кредит. Разумеется, ростовщичество процветало задолго до капитализма, и долговая кабала знакома человечеству с первых шагов цивилизации. Однако именно при капитализме товарный обмен окончательно теряет ведущую роль в экономике и движения товаров подменяется оборотом капитала. Именно здесь классическая формула *товар* → *деньги* → *товар* превращается в не менее классическую

деньги → *товар* → *деньги*, и хозяйственная деятельность уже не ставит целью удовлетворение человеческих потребностей, она служит исключительно приращению капитала. Кредит при капитализме — это *всеобщая* форма экономического движения, подчиняющая себе как сферу производства, так и сферу потребления. И рождается капиталистический человек лишь для того, чтобы делать долги и расплачиваться с долгами.

Суть кредитных отношений можно пояснить примером. Маленький мальчик хочет съесть яблоко — но тут появляется большой дядя и отнимает у него яблоко. Когда мальчик устанет плакать, дядя ласково ему говорит, что мог бы отдать ему это яблоко, и можно будет съесть его сейчас, — но взамен мальчику придется через некоторое время отдать два яблока. Дядю не интересует, откуда мальчик их возьмет, ему важен результат.

— А если я не отдам? — спрашивает мальчик.

— Тогда, — задушевым голосом отвечает сильный дядя, — мы отнимем у тебя вообще все, и ты умрешь от холода и голода. А не умрешь — так мы тебя можем и убить. Или станешь нашим рабом и будешь покорно исполнять любые наши прихоти.

— Но, ведь, это же мое яблоко! Ты у меня его отнял!

— А оно вовсе не твое. Ты же не можешь у меня его забрать — значит, оно принадлежит мне. Ты, вот, не умеешь писать — а я умею, и я написал на этой бумажке закон, по которому моя собственность неприкосновенна. Так что теперь я не просто так отнимаю у тебя, что пожелаю, а делаю это *по праву*.

Мальчику очень хочется яблока — и он соглашается на грабительские проценты. В конце концов, срок расплаты еще не скоро, и что-то можно придумать... В конце концов ему удастся стащить у кого-то пару яблок — и его кредитная история начинает раскручиваться по спирали. Мальчик ворует у одних, чтобы расплатиться с другими. В конце концов, он совершенно проворовался и попал в тюрьму. В тюрьме местный пахан отнимает у него пайку и говорит, что мог бы отдать ее назад — при условии, что мальчик это отработает. И начинается сначала...

Нанимая нас на работу, капиталист не собирается расплачиваться за рабочую силу — напротив, он лишь вкладывает в нас капитал, и мы с самого начала должны возместить ему затраты, причем с лихвой. Если вложения в кого-то не обещают дохода — работу им не дадут. Точно так же, при капитализме мы не платим за приглянувшийся товар — нет, покупая его, мы лишь авансируем производство в надежде получить когда-нибудь причитающиеся нам гроши, возможность купить еще что-нибудь. Все работает на систему. И хорошо, если удастся хоть как-то сводить концы с концами.

Но пирамида не может расти бесконечно. Как бы ни подгоняли мы производственную машину, она не станет вертеться быстрее, чем это объективно возможно при данном способе производства. А значит, долги когда-то перестают возвращать. И лавина банкротств раскручивает спираль в обратную сторону... Кто остается при своем? Только те, кто успел вывести капитал за пределы кризисной экономики, спрятаться от кризиса. Но если кризис становится глобальным — куда бежать? Правильно, за пределы рынка. Либо назад, к рабовладению (вместо рынка — прямое принуждение, сила оружия), — либо вперед, к ликвидации собственности и принципиально другой экономической системе.

Экстенсивное развитие требует освоения все новых территорий. Недаром с развитием глобального кризиса приобретают особую притягательность разного рода космические проекты. Мы не умеем наладить жизнь на Земле — и хотим выместить наш мусор в космос, а там места много...

А все-таки, нужны кредиты или нет? Есть в этом хоть капля смысла? Понятно, что, если такая система возникла, были тому объективные причины. Только, вот, объективность бывает разная. Есть пустое движение мертвой природы — оно вполне объективно, и происходит так, как может происходить, и для него «может» = «должно». Есть тупое копошение скоплений

организмов — и оно подчинено природной необходимости. Капиталисты пытаются уверить нас, что и с людьми дело обстоит, в сущности, так же, и развитие производства, — и развитие человеческого духа, — это пустая стихия, изначально лишённая смысла и замысла. Если вдруг обнаруживаются подозрительные закономерности — это божественный промысел, и человеку тут извилины напрягать незачем. А которые слишком напрягаются — недодавленные ублюдки, возмутители общественного (то есть, буржуазного) порядка, и рыдают по ним — из одного глаза тюрьма, из другого могила.

Ладно, пусть пока поплачут. Допустим, я хочу что-то сделать — а средств у меня на это не хватает. Например, нужен мне холодильник, а бюджет у меня ограничен. Магазиновые цены явно не по карману. Пытаюсь пошарить по объявлениям и купить с рук — вроде бы, есть что-то по деньгам, — но какое-то не такое, а то, что нравится, — сплошь кусается. Что делать? Можно попытаться уговорить продавцов сбросить цену до моего уровня. Но скидывать придется много, и вряд ли кто-то на это пойдет. Предприниматель из меня никакой; так, чтобы пойти и своровать, — это не ко мне. Остается либо подчиниться судьбе и выбрать что-нибудь не очень правильное, но по деньгам, — либо вообще отказаться от этой затеи до лучших времен.

И тут возникает искушение кредитом. Взять в долг, купить то, что нужно, а потом потихоньку расплатиться... Ну, буду я отдавать большой кусок зарплаты каждый месяц. Что-то же на жизнь при этом останется. Зато мечта сбылась. То есть, получается, что я, вроде бы, жертвую какими-то потребностями ради чего-то более значительного. Разумно? По видимости...

Но, с другой стороны, где гарантия, что доход у меня будет в том же размере и вовремя? Это при советской власти можно было не опасаться потерять свои законные, положенные по штатному расписанию. А в буржуинстве — бабушка надвое сказала. Рыночная стихия. И если кто ее и контролирует, так не ради моего кошелька. Вместо исполнения мечты — игорный дом. Всякому нормальному человеку понятно, что выигрыш одного — это проигрыш очень и очень многих. Влезать в долги, поэтому, — удобрять собой чей-то урожай. Разумно? Не очень...

Ну, хорошо. Если я готов выплачивать кому-то с процентами — почему не выплачивать себе? Давайте соберемся с духом и будем откладывать на исполнение мечты твердую сумму ежемесячно — пока не накопится достаточно, чтобы просто пойти и купить все необходимое. Если вдруг обстоятельства изменятся, и дела пойдут плохо, можно пустить резервы на дело выживания. Это, пожалуй, единственное, что остается при капитализме тем, кто не желает влезать в долги. И у капиталистов есть методы, чтобы людей от такой привычки отучить. Деньги обесцениваются, цены растут... Нерегулярность дохода заставляет расходовать сбережения, а восстанавливать их потом — дело непростое. К тому же бывают ситуации, когда действовать надо сейчас, ждать нельзя. Не купил я врача — потерял здоровье. Не купил юриста — потерял жилье. Не засеял весной — нет урожая осенью. Не починил крышу — после дождей уже нечего ремонтировать. Так людей вынуждают брать кредиты, выдавливают в рынок. Конечно, каждый вправе создавать дополнительные резервы на черный день. Но нет гарантии, что не пропадет накопленное в очередной финансовой махинации власть предержащих. И совершенно все равно, держать деньги в банке — или дома в кубышке. На каждый способ сохранить есть свой способ отнять. Невозможно поодиночке бороться с экономической системой.

Разного рода кооперация — не вариант. По сути, это ничем не отличается от индивидуального трепыхания. Только если уж загремят под фанфары — то все вместе. К тому же капиталистическая кооперация открывает простор для ушлых предпринимателей, расходы растут, а риск потерять последнее пропорционален количеству пайщиков.

А теперь серьезно. Взглянем на вещи шире. Есть совокупность накопленных обществом ресурсов — и есть набор неотложных задач (от строительства базы на Марсе до приобретения новых носков). В разумно устроенном обществе никого не интересует, кому что принадлежит. Если ресурсы для выполнения задачи есть — они просто запускаются в работу, и никто никому не должен. Если есть избыток ресурсов — соображаем, как распределять их между

потребностями второй очереди; что-то оставляем в резерве, что-то ориентируем на дальнюю перспективу. Если ресурсов недостаточно — перераспределяем потребности, оставляя в первом эшелоне жизненно необходимое, но не забываем о необходимости иметь разумный резерв. Нужны кредиты в такой экономике? Да они там просто невозможны!

Мораль? Кончать надо с капитализмом, и со всей базарной цивилизацией. Это самая первая и самая насущная потребность. Да, мне нужна позарез квартира в теплом месте у моря, и желательно, чтобы вокруг по-французски говорили... Но ради главного я готов подождать пару сотен лет.

О прибавочной стоимости

Буржуазная экономическая теория громко объявляет себя научной и основанной на реально наблюдаемых экономических фактах. Дескать, мы только обобщаем то, что на практике делают тысячи экономистов, от заурядного спекулянта с бухгалтерией «в уме» — до финансового воротилы мирового масштаба. Надо признать: они в совершенстве умеют напустить на себя умный вид и запутать обывателя... Который не знает, что научность как раз и означает отказ от примитивного раскладывания наблюдений по кучкам, переход к *объяснению* наблюдаемых закономерностей на основе научных *законов*, вскрывающих *существенное* в явлениях. До и без такого объяснения — любые «науки» остаются детским лепетом, и любые заключения о связи вещей остаются лишь кажимостью, иллюзией, в лучшем случае — предположением. Например, на практике сотни наблюдателей в деталях описывали марсианские каналы и выводили из этого далеко идущие картины тамошней цивилизации... Где теперь эти фантазии? Собраны и классифицированы многие тысячи свидетельств о встречах с привидениями, «документальные» подтверждения контактов с инопланетянами — не говоря уже про библейскую мифологию и канонические жития святых. Буржуазии выгодно объявить все это фактами, знаниями, замазать различия между наукой и наукообразием. Ученый использует формальные методы — бюрократ тоже весь в формальностях; следовательно, бюрократия и наука — одно и то же...

Ничего удивительного в том, что первые экономические теории, возникающие на заре капитализма, исходили из непосредственно наблюдаемых явлений, из повседневной практики рынка. Это нормально — как поиск предметной области, постановка проблемы. Но зачем же застывать в грубой эмпирии? Надо идти дальше, искать за внешностью суть. Когда-то точно так же пытались канонизировать аристотелевскую физику (которая для своего времени была несомненным шагом вперед). Но пришел Галилей — и возникла новая физика, опирающаяся не на голые наблюдения, а на факты — то есть, наблюдения в рамках концептуальной схемы (которая в конечном итоге происходит из схем человеческой деятельности). Ученый не просто смотрит вокруг себя и записывает увиденное — он ищет нечто вполне определенное, то, что сейчас практически важно; он идет к сознательно поставленной цели и отсекает множество подробностей, которые интересны сами по себе — но не для данной конкретной науки.

Экономика не исключение. Ей надо устанавливать фундаментальные принципы и строить абстрактные модели, учитывая, конечно же, привычные всем приемы ведения хозяйства — но не привязываясь к ним, не ради них. Не должен ученый-экономист в деталях воспроизводить правила бухучета — иначе это будет уже другая наука, бухгалтерия.¹ Соответственно, и объяснять надо не рыночные операции сами по себе, а их общие формы, абстрагированные от рыночных случайностей и политических влияний.

Начиная со Смита и Рикардо в ходу разные варианты так называемой «трудовой» теории

¹ Сейчас принято обыкновенного бухгалтера называть экономистом (а продавца — менеджером). Это еще больше запутывает дело. Бухгалтер (хотя бы и с дипломом об «экономическом» образовании) столь же похож на ученого-экономиста, как сборщик на радиозаводе — на физика-электронщика.

стоимости, выдвигающие во главу угла, казалось бы, очевидный принцип: все ценное в мире создается человеческим трудом, и всякий товар вещным образом представляет некоторое количество общественно полезного труда. При этом стоимость увязывается с необходимым количеством трудозатрат, и произносятся возвышенные слова о том, что любые ресурсы, необходимые для производства того или иного товара, включая сырье, экономическую инфраструктуру и рабочую силу, включены в производство лишь постольку, поскольку они уже освоены человеком, — то есть, в качестве ранее произведенной стоимости. Если одна вещь используется для производства другой вещи — она участвует в этом как овеществленный труд, как его особая форма — но сам-то труд при этом никуда не исчезает, он лишь переносится на новый продукт; создатели исходных предпосылок производства косвенно участвуют в нем — поскольку часть стоимости продукта создана их трудом.

Вроде бы, очень разумно. И выглядит глубокой теорией. Можно долго развивать подобные идеи, приводя все новые убедительные аргументы, подчеркивая стройность и согласованность возникающих на этой основе теорий. Но стоп! А почему — «теорий»? — во множественном числе? Что-то не так в «трудовом» королевстве, если единого подхода так и не сложилось, за сотни лет...

Хорошо, спишем незавершенность науки на сложность предмета. Еще полсотни нобелевских лауреатов — и все пойдет как надо. У нас, ведь, есть главное — соответствие экономической практике (хотя бы и понимаемой очень узко, как практика рынка). Действительно, испокон веков прирост стоимости в процессе труда (трудовом акте) объяснялся тремя «естественными» причинами: во-первых, это, конечно же, живой труд (экономически представляемый как заработная плата); во-вторых, это инвестированные средства — то есть, косвенное участие предыдущего труда (выражаемое процентом на капитал); наконец, это общая инфраструктура производства, включающая освоенные обществом природные ресурсы, а также затраты на поддержание общественно-экономического уклада, в рамках которого только и возможен трудовой акт в данной исторически-конкретной форме (что и учтено в категории «рента»). Классическая триада буржуазной политической экономии — основа основ, непреложный факт, исходный пункт и материал для проверки любых теоретических построений.

Казалось бы, куда очевиднее? Если рабочий вкладывает в производство свой труд — он получает за это вознаграждение в виде заработной платы. Если капиталист предоставляет исходный капитал — он получает за это свой процент. А общество в целом (в лице капиталистического государства) получает плату за обеспечение самой возможности труда. Например, за выделение в какой-то мере окультуренного участка земли — отсюда земельная рента. Или за рыночную экономическую политику — отсюда разного рода налоги и сборы. Все участники в экономическом плане совершенно равноправны, и каждый не в накладе. Конечно, существующие экономические системы не вполне совершенны. Но как только мы завершим наши научные изыскания, мы будем точно знать, как правильно делить деньги. И ни о чем другом экономическая наука заботиться не должна.

Но тут появляется бунтовщик и смутьян, какой-то г-н Карл Маркс, и заявляет, что все совсем не так, что классическая триада — лишь видимость, а на самом деле прибавочная стоимость создается только живым трудом, и никакого процента капиталисту не положено, и рента идет совсем не туда. Так что гнать надо капиталистов в шею — и весь их базар прикрыть при первой возможности. А еще еврей! И дружок его, Энгельс, туда же — хотя и происходит из самых что ни на есть капиталистов.

Ну сами подумайте, станет ли кто-то вкладывать свои кровные в производство, если ему с этого никакого навара? Какая тогда экономика, если нет реального интереса? И если один одолжил что-то другому (деньги, землю, закон или религию) — то вполне естественно возместить ему временные ограничения в экономических правах. При чем тут живой труд? Просто одни оказываются счастливее других и сосредотачивают в своих руках больше богатств. Никому не возбраняется открыть собственное дело — и разбогатеть.

Похоже, у Маркса и всех его последователей что-то не так с головой:

Такой теории нельзя отказать в известной последовательности, но она напоминает скорее последовательность сумасшедших, у которых ложно отправное положение, а потому нелепы, хотя и последовательны, все остальные выводы.²

Есть объективное движение рынка: купил — продал. Разумеется, с выгодой для себя. В промежутке можно вставить какое-нибудь производство, чтобы продать товар подороже. Более технологичная продукция выше ценится. Можно лишь сожалеть, что в мире развелось столько душевнобольных... С чего бы это?

Но давайте начистоту. У кого тут неправильные предпосылки, и кто за сумасшедшего? На каком основании господа буржуазные экономисты стоимость отождествляют не только с рыночной ценой — но и просто с продажной ценой, со спекулятивной выгодой единичной сделки? Вы говорите, что предприниматель не будет вкладывать деньги, если не получит прибыли — и быстро перебрасывает их в другое место, если на старом уже невыгодно. А разве все выигрывают в рыночной стихии? Вы говорите, что одни «счастливые» других — и потому богаче. Но на рынке не только «счастливые». Миллионы неудачников разоряются и пополняют собой ряды пролетариата — или опускаются до совершенно деклассированного состояния, на дно общества. Многие просто умирают. Выходит, что «счастливые» идут к своему «счастью» по человеческим костям (а иной раз и по неостывшим трупам).

Процент и рента = неизбежность инфляции. Это лишь видимость прибавочной стоимости, попытка несколько раз сгрызть одно и то же яблоко. Денежный эквивалент стоимости — это не сама стоимость, а лишь одно из ее возможных представлений. И то, что цены измеряются в тех же единицах, вовсе не означает тождества стоимости и цены — даже в каком-то усредненном смысле. Прибыль от сделки буржуа исчисляет, исходя из денежного выражения затрат и доходов, — но какое отношение это имеет к стоимости? В рыночной экономике прибыль можно получить, вообще ничего не производя, и даже уничтожая произведенное другими. Но если все торгуются с прибылью, это означает лишь обесценивание денег, маскирующее убытки большинства «несчастливых» предпринимателей, и в итоге экономический коллапс.

Например, капиталист А купил товар на \$10 и перепродал его капиталисту Б за \$20. Капиталист Б сумел перепродать тот же товар за \$25 — и, вроде бы, все довольны, все с прибылью. В другой формулировке, речь может идти об инвестициях и проценте, о кредитах, об аренде и субаренде и т. д. Но если нет живого труда, способного превратить \$10 в \$20, такая спекуляция означает, что после первой сделки доллар обесценился как минимум вдвое, а после второй — еще в 1.25 раза. В результате \$20, полученные капиталистом А, превращаются в реальном исчислении (в сравнимых ценах) в \$8 — и чистый убыток налицо. Чем больше раскручивается спекулятивная спираль, чем больше становится «счастливых» на рынке, — тем глубже провал экономики, изъятие из производственной сферы оборотных средств — а значит, снижение уровня производства, кризис. Пока спекулятивное взвинчивание цен компенсируется ростом производительности труда, кризисные явления притормаживаются, они скрыты за кажущимся процветанием. Однако рыночная спекуляция на один акт производства накручивает десятки актов обмена — и за инфляцией не угнаться никогда. Тем более, что инфляция угнетает рост производства и тем самым дополнительно усиливает свой губительный эффект.

Капиталист вкладывает капитал и полагает, что тем самым он участвует в производстве и за это ему положен соответствующий процент. Буржуазные экономисты ему услужливо поддакивают и оправдывают бессовестную эксплуатацию рабочей силы рассуждениями о консервированном труде и косвенном производстве прибавочной стоимости. И получают за это вознаграждение, в зависимости от заслуг.

Но почему, собственно, некто, сумевший узурпировать часть общественного продукта, должен

² Ю. Г. Жуковский, *Деньги и банки*. — СПб., 1906; с. 11

за этот грабеж еще и сверху поиметь? Вкладывая деньги и предоставляя средства производства, капиталист лишь временно возвращает в производственный оборот то, что он из него ранее изъяс без каких-либо веских оснований. В большинстве случаев сам капиталист в производстве не участвует вовсе (на то есть иерархия наемных управляющих) — так за что же ему платить? По большому счету, вложенные средства и без процентов капиталисту можно не возвращать. Не ему это на самом деле принадлежит.

Выходит, что процент и рента — лишь способ отщипнуть от заработной платы, которая при этом выражает вовсе не произведенную живым трудом прибавочную стоимость, а лишь рыночную цену рабочей силы, и можно использовать инфляционные механизмы, чтобы эту цену удерживать на уровне много ниже стоимости. Так что прав «сумасшедший» г-н Маркс: надо делать революцию, гнать в шею дармоедов.

Тут идеологи рынка бросают на стол последний козырь: но зачем же будет развиваться производство, если никто не может с этого ничего поиметь? Нет дохода — нет интереса. Рынок стимулирует, заставляет изыскивать возможности, искать нетривиальные решения — и в конечном счете движет вперед культуру в целом, включая непроеизводственную сферу. Только при достаточной рыночной мотивации у капиталиста найдется возможность отстегнуть энную сумму на филантропию и вложиться в искусство, науку, философию...

Эта, с позволения сказать, аргументация с потрохами выдает буржуазную натуру господ-экономистов. Для буржуа деньги — превыше всего, а все остальное лишь тень богатства, прихоть, которой можно время от времени потакать, когда с деньгами проблем нет, — но ни в коем случае воли не давать, чтобы не отвлекала от бизнеса. То, что люди могут работать не ради наживы, — нечто абсолютно непредставимое. Производить не на продажу — как такое возможно? Буржуазному экономисту запрещено даже задумываться о чем-то кроме рынка, и поставить вопрос о другой экономике, не нуждающейся в посредничестве торгашей, он просто не в состоянии.

А Маркс поставил. Ибо главный мотив разумного существа — разумное переустройство мира, а вовсе не длинные ряды нулей после бессмысленной единички на чеке. Человеку — не нужны деньги. Ему нужно обычное человеческое счастье. И он не может быть вполне счастлив, когда страдает другой. Важно, чтобы все люди смогли полноценно жить, а не выживать; трудиться, а не работать; творить, а не вытворять. Чтобы ничего не добывать и не сбывать, ни к чему приспособливаться, никого ни о чем не просить. И если браться за что-нибудь — то не по нужде, а по твердому убеждению, что это нужно всему человечеству, и может быть даже не только человечеству. В этой новой экономике продукт производится не для того, чтобы его менять на другой продукт, — а просто потому, что он кому-то нужен, и если я умею это сделать — почему бы не сделать? И не надо мне за это никакого вознаграждения, ибо кто-то другой точно так же позаботится о моих нуждах, не спрашивая, зачем. В этом мире не бывает производства ради производства и потребления ради потребления. Каждый знает, что другие столь же разумны, как и он сам, и не будут надоедать обществу глупыми прихотями и требовать их исполнения любой ценой. Разумеется, какие-то желания пока за пределами наших возможностей — но разумный человек воспринимает это как вызов разуму, как стимул для творчества и возможность реализовать себя на благо всех.

Транспорт и разум

Каждый день хожу по городу и вижу: тысячи автомобилей стоят по десяткам парковок. Днем и ночью. Семь дней в неделю. Кому не хватает парковок — паркуются на обочинах, на тротуарах, на газонах... И городское начальство из кожи вон лезет, чтобы подобные безобразия пресечь, и обеспечить паркоместом каждую транспортную единицу. Никому и в голову не приходит простая мысль: если все это стоит — так может быть, оно городу вовсе и ни к чему?

Транспорт, который действительно необходим, — не стоит, он перевозит людей или грузы. А если и останавливается движение — то лишь временно, ради погрузки-выгрузки. Одна перевозка сменяет другую, и не надо захламлять город праздными железяками.

Открытым текстом: если убрать из города весь индивидуальный автотранспорт и оставить лишь общественный, многократно используемый в самых разных целях, — станет намного легче дышать, в прямом и переносном смысле. Просторнее на дорогах, не требуется безумное количество парковок, компактнее инфраструктура, проще сервис...

Конечно, рискую быть побитым самовлюбленными филистерами, для которых личное авто — вопрос престижа. А лучше несколько, на каждого члена семьи, включая грудных младенцев. Народ воспитывают с детства: автомобиль не роскошь, а средство передвижения — ну и, конечно, роскошь, если это роскошный автомобиль. Вроде как сравнить просто мобильный телефон — и Vertu (ничего не умеет — зато золото-бриллианты); есть обычные часы — и есть элитные штучки из самой Швейцарии (хотя и китайского производства); у кого-то просто так футболка — а других в точности такая же, но *haute couture*... Пусть в миллиардеры пока не выбился — но уж хотя бы на слабое подобие завидных безделушек все имеют право! В том числе и на персональные колеса. Такова психология потребителя — который до человека не дорос.

Разумеется, можно приводить якобы веские аргументы, объяснять и оправдывать. Например, объявить потребность в личном автомобиле элементарными требованиями гигиены: дескать, это вроде предмета одежды, и негоже, чтобы мою одежду носил кто-то другой. Я не любитель поношенных вещей — и все же к транспорту применять такие сравнения я бы не стал. Эдак можно очень далеко зайти. Например: зачем мне квартира в многоэтажке? — каждому нужен частный дом; почему я должен покупать продукты в универсаме? — мне извольте доставить на дом все самое отборное; не хочу я гулять в общественных местах — мне подавайте собственный сад, и свой кусок моря с пляжем, и воду из отдельного водоема, и воздух индивидуального изготовления... И вообще: что это вы все делаете на моей планете? Кыш отсюда!

Собственно, буржуи так и рассуждают. И покупают дома и острова, страны и континенты... И соглашаются терпеть чье-либо присутствие лишь до тех пор, пока не заменят поганых людишек рабами-роботами. Но роботы тоже не вечно будут терпеть буржуйское рабство. И если уж они потребуют к себе человеческого отношения — мало никому не покажется.

Но вернемся к транспорту. С точки зрения экономики — это все равно что кровеносная система для организма; что если каждый орган (или даже каждая клетка) будет требовать себе личного обслуживания? Нет уж, организм — единое целое, и проявлять индивидуальность дозволено лишь в узких пределах. Общество, конечно, не организм, а нечто более сложное. И пределы тут весьма широки. Однако посягать его целостность все же не следует.

Так вот, в каждой экономике существуют особые (инфраструктурные) отрасли, отдавать которые на откуп частнику было бы неразумно — поскольку они связаны именно с обеспечением экономической целостности. Не то, чтобы это было невозможно, — и средства общественного производства превращаются в предметы индивидуального потребления на каждом шагу; однако разумной такую экономику не назовешь.

В чисто фантастическом варианте, если бы городское начальство прислушивалось к голосу разума, а не к звону монет, навести порядок с транспортом в городе — без проблем. Достаточно вовремя чинить дороги — и убрать с дорог дураков (из-за которых, кстати, чинить приходится чаще, чем следовало бы). Одна единица общественного транспорта обслуживает сотни и тысячи пассажиров; один личный автомобиль — не обслуживает толком никого. Ресурсы, которые общество выбрасывает на размножение этой автосаранчи, в десятки раз перекрывают потребности развития и поддержания общественного транспорта. Водители легковушек жалуются, что им мешает общественный транспорт и грузовые перевозки. Но

именно по их вине общественный транспорт не может двигаться интенсивнее, и грузы застревают в пробках, с эффектом лавины. Разумеется, по-хорошему, город обязан регулировать транспортные потоки и распределять перевозки разного типа по времени суток, в зависимости от времени года. Для технических перевозок — выделенные часы, преимуществом пользуются пассажирские.

И не надо пыхтеть, что мы тем самым возвращаемся в советские времена, когда давка на транспорте была излюбленной темой горе-юмористов. Советский общественный транспорт работал, и доехать все-таки можно было, хотя и в обстановке, далекой от комфорта. Сейчас наземного транспорта не дождешься, да и в метро никогда не знаешь, доберешься до места или нет. Но вместо того, чтобы развивать и облагораживать общественный транспорт, власти сделали ставку на частника. Дескать, у кого есть деньги — пусть купит машину; у кого нет — тот вообще не человек. В результате имеем.

Когда на дороге нет лишних — там найдется место для комфортных и быстроходных автобусов, троллейбусов и трамваев. И даже для вертолетов — если уровень шума привести в разумные границы. И можно вывести на дороги столько транспорта, сколько необходимо, в зависимости от обстановки — подобно тому, как спецтехника выходит на службу по мере осложнения погодных условий. Какая для этого необходима инфраструктура — ясно и младенцу. Однако одно депо заменяет десятки автостоянок, а места занимает как две-три (и это можно сколько угодно оптимизировать). Соответственно, не требуется уж очень масштабных сервисных структур.

Разумеется, те, кто сейчас кормится обслуживанием частников — потеряют работу. А те, кто имеет с них навар, — лишатся солидной надбавки к служебному долгу. Но, может быть, это не так уж и плохо? Есть и другие занятия, требующие как сильных рук, так и сообразительной головы. Возможно, места не столь теплые — но экономически более оправданные.

Кое-кому (особенно тем, кто побогаче) запаadlo пространственно перемещаться в коллективе. Они лучше лишних пару часов в пробке постоят — но в гордом сознании собственной приватности. Что тут сказать? Придавить таким спесь — и пусть не выпендриваются. Чтобы знали: они ничем не лучше остальных. У себя дома под матрасом — разглядывайте свои миллионы сколько угодно, а выставлять их на публику — просто свинство.

А если серьезно, общественный транспорт вовсе не отменяет индивидуальных перевозок. Пожалуйста, есть такси. Тарифы повыше — но и это вполне поддается муниципальному регулированию, а частных извозчиков само отсутствие личных автомобилей ликвидирует как класс.

Но и это еще не все. Во многих городах (даже в России) есть служба проката велосипедов: взять на одной стоянке, оставить на другой — и заплатить по времени. Конечно, в российском климате это не лучшая идея — да и ездить на велосипеде не всякому дано, тем более при физиологических проблемах. Однако сейчас бурно развивается аналогичная система для автомобилей. Это уже ближе к истине. Надо проехать по индивидуальному маршруту? — извольте, берите первый попавшийся микроавтомобиль на ближайшей стоянке и оставляйте его на любой другой. Разумеется, без каких-либо эксклюзивных прав. Если транспорт стоит больше 10–15 минут — он считается свободным и может быть использован кем угодно. Конечно, к такому надо привыкать, и придется бороться с ушлыми махинаторами, симулирующими использование фактически простаивающего транспорта. Но, во-первых, слишком долго симулировать все равно не получится, а во-вторых, при должном контроле и техническом обеспечении, постепенно отпадет и сама тяга узурпировать общественный транспорт для личных нужд. В конце концов, когда-то и в лифтах были специальные служители — а теперь только законченным отморозкам придет в голову блокировать лифты ради своих дурных целей.

Понятно, что общественный микро-транспорт можно, с одной стороны, максимально упростить

и облегчить — а с другой, снабдить умной электроникой, позволяющей обойтись вообще без навыков вождения. В идеале, человек садится в авто, указывает пункт назначения — а дальше дело техники, она сама выберет оптимальный маршрут и доставит. Сейчас многие водители уже не представляют жизни без навигатора, они послушно следуют его указаниям (хотя пока и не всегда правильным). Но, пардон, зачем тогда водитель? Что мешает прикрутить навигатор непосредственно к органам управления? Если убрать дураков с дорог, пилотирование станет вполне доступно и роботам, даже не самым навороченным. Учитывая компьютерный прогресс, это не самая дальняя перспектива. Опять же, электроника будет контролировать режим использования и не допускать простоев. Такой автомобиль можно оставить где угодно — он сам найдет дорогу к ближайшей стоянке. И даже не надо искать стоянку при случае — достаточно вызвать свободную машину в нужную точку отправкой SMS или через Интернет; система сама найдет ближайшие и оптимизирует подачу, с подробной информацией о процессе. Опять же, как в лифте: нажать кнопку может и дитя. Что же касается вандалов, которым, конечно же, захочется испортить хорошую вещь и украсть все возможное, — антивандальные технологии обойдутся дешевле охранных систем для частных, а ответственность за вандализм следует максимально ужесточить — вплоть до принудительной психиатрии или физического уничтожения. Это не люди — и с ними нельзя как с людьми.

Особый разговор — индивидуальные грузовые перевозки. Не секрет, что значительная часть автовладельцев ценит свои колеса прежде всего за вместительный багажник — а то еще и прицеп. Какой бы ни была служба доставки — это все равно проблема согласования времени, и неудобство ожидания... В каких-то случаях может выручить грузовое такси (при условии превращения его в действительно оперативный сервис и ликвидации частного извоза). При квартирных перевозках и без грузчиков, бывает, не обойтись. Но если, скажем, я купил два ящика минераловки, и мы собираемся ее распить где-нибудь на природе прямо сейчас — нужно иметь возможность доставить это в нужную точку немедленно, да еще и присовокупить купленное в других магазинах. Тут потребуются разработка особых технологических и организационных решений; понятно, что заниматься этим в мире частнособственнических инстинктов никто не будет — проще пустить на самотек: есть свои машины, и пусть каждый сам за себя думает. Дикая стихия. Но если все же пойдет движение в разумном направлении, нужные технологии найдутся. Например, автоматизированный мини-транспорт несложно оснастить контейнерным багажником, и тогда процесс погрузки-выгрузки максимально упрощается, подобно тому, как багажники современных самолетов уже давно не напоминают свалку разнородного хлама. Все выглядит примерно так: вместе с автоизвозчиком (или задолго до него) заказываете контейнер; когда машина подана — закатываете контейнер в багажник; по прибытии по первому адресу — выкатываете контейнер и оставляете его в камере хранения; при необходимости добавляете что-то, или выгружаете, — и берете новую машину, и этот цикл повторяется сколько угодно раз. Разумеется, тут возможны всяческие усовершенствования, направленные на то, чтобы максимально освободить людей от необходимости что-то таскать руками — подобно тому, как одна пластиковая карточка может заменить толстый бумажник. Люди привыкнут передвигаться налегке — двигаться легко.

Таким образом, количество машин в городе можно сократить в сотни раз, и закрыть полностью города для личного автотранспорта. Но, конечно же, не стоит ограничиваться городами. Загородная природа тоже не будет возражать против снятия автомобильного ига. Разумеется, возможности автоматизации в городе значительно выше, чем в нерегулярной местности. Но технические проблемы вполне решаемы — если всерьез заниматься их решением. Раньше, ведь, и сотовая связь была только для горожан — а теперь под каждым кустом Wi-Fi (по крайней мере, в ближней перспективе). Так что дело за малым: добавить разума.

Есть, конечно, еще одна живописная категория — собственно автолюбители. Те, кому интересно покопаться в железе, собрать-разобрать, оживить старую рухлядь или раскрутить до умопомрачения рухлядь современную. Кроме того, бывают (видимо, не совсем психически здоровые) любители быстрой езды, кому нравится гонять по дорогам просто ради ощущения

скорости. Но почему, скажите, они должны удовлетворять свои интересы за счет окружающих? Хочется — пусть занимаются. Но только в специально отведенных местах, куда они смогут добраться обычным общественным образом. По большому счету, населенные места вообще не для буйных дел — и всех мастеров-умельцев следует определить в специальные мастерские (ателье), где они могли бы развлекаться до умопомрачения, не причиняя никому вреда. Гонки на машинах и мотоциклах — на спецполигоны, подальше от жилых домов. Аналогично — массовые увеселения, и тем более ночная жизнь. Тут, надо признать, и в Европе не все путем. Но когда-то же надо становиться человечеством разумным — а не ордой безответственных дикарей.

Экономика услуг

Традиционная схема *производство — потребление — обмен* прекрасно приспособлена к описанию капиталистической экономики, из нее естественно выводится классовая структура общества, вместе с необходимостью уничтожения классов. Однако время идет — и приходят иные экономические реалии. Насколько они вписываются в традиционную картину? Не пора ли задуматься о более подходящих категориях?

Из общих соображений — время для коренных преобразований в сфере экономических идей еще не настало. Капитализм живет и развивается, один кризис следует за другим — все в рамках классической теории. Вот если бы удалось разделиться с рынком и хоть как-то подступиться к строительству бесклассового общества — тогда можно было бы задаваться вопросами. А до того — любые новшества следует трактовать как вариации на ту же тему.

Есть и другие, столь же общие соображения. Новое всегда зарождается в недрах старого, и наши предположения о будущем проистекают не только (и не столько) из формально-логических изысканий (хотя логика тоже, разумеется, рождается не на пустом месте), а еще и следуют подсказкам природы — в данном случае общественно-экономической. И можно оценивать происходящее не только по его положению в современной культуре, но и с точки зрения будущей реальности. Разумеется, с поправкой на собственную ограниченность.

Выбирать свое и подыскивать подходящий повод — занятие интимно личное. В каждой мелочи есть нечто вселенское, и всякий выбор будет по-своему оправдан и где-то необходим. Для определенности, попробуем сконцентрироваться на общеизвестном экономическом факте роста удельного веса сферы услуг по сравнению со сферой материального производства. В развитых капиталистических странах услуги уже сейчас поглощают больше половины трудовых ресурсов — а в перспективе, в эпоху всеобщей компьютеризации и роботизации, производство вещей обещает окончательно отойти на второй план. Но пока мы остаемся в рамках рынка, сфера услуг развивается в рыночных формах — и возникает естественный вопрос: а не отразится ли переход к экономике услуг на классовой структуре общества? На этой почве произрастают буржуазные надежды на постепенное сглаживание классовых противоречий и устранение грубостей классовой борьбы — а будущее видится миром классовой гармонии и всеобщего благоденствия. Дескать, сидит кто-то на шее — ну и пусть сидит; зато кто-то другой, наоборот, окажет тебе услугу... Все друг другу услужливо помогают, а если вдруг оказывается, что одни преимущественно пользуются, а других сплошь используют, — это историческая случайность, и кто знает, как лягут карты в следующий раз?

Материалиста подобные конъюнктурные игры, конечно же, не устраивают. Если рождается новый экономический уклад — должны быть веские причины. Чем, собственно, отличается сфера услуг от всех остальных? Быть может ее необыкновенность нам только мерещится? А на самом деле никакой новой экономики за этим не стоит, и разговаривать не о чем.

Придется плясать от печки, вспомнить об отличии разумной жизни от неразумной, и жизни вообще — от неживого. Эти уровни самодвижения мира можно различить по характеру связи

одних вещей с другими. Связь отлична от связываемых ею вещей, это вещь другого сорта — нечто идеальное. Однако само по себе идеальное существовать не может, и любая связь воплощается в некоторой материальной вещи, выступающей в роли посредника. Одна и та же связь, в принципе, может быть реализована по-разному и не сводится ни к одному из опосредований — но в каждой конкретной ситуации всегда представлена одним из них. В неживой материи это происходит случайным образом, не связано с собственной природой посредника. Напротив, живое существо по самой сути своей «предназначено» для того, чтобы служить посредником, преобразовывать одни вещи в другие; оно материализует некоторый процесс обмена веществ (метаболизм). Но биологическое опосредование диктуется природной необходимостью, и его остановка есть смерть. На уровне сознательной деятельности, с одной стороны, опосредование остается первым определением разумного существа — субъекта, а с другой — оно становится *универсальным*, так что в человеческой деятельности любые стороны мира могут быть связаны с любыми другими, и человек (поскольку он разумен) свободен в выборе того, что с чем связать.

Отсюда много всего следует. Например, капитализм, по сравнению с рабовладельческой или феодальной формациями, есть шаг в направлении большей разумности — поскольку он освобождает человека от родовой или цеховой зависимости, и дети (теоретически) не обязаны наследовать образ жизни своих родителей. С другой стороны, такое формальное освобождение не всегда сопровождается фактической возможностью — и капитализм объективно сводит человека к биологическим отправлениям, что (намеренно или нет) получает идеологическое выражение в буржуазной науке и философии.

В процессе своей деятельности человек (как субъект) преобразует ее объект в общественно данный продукт — элемент культуры. В сфере *материальной культуры* продукт есть прежде всего вещь, и культура в целом опирается на всю совокупность произведенных человеком вещей. На уровне *духовной культуры* воспроизводится субъект деятельности, и продуктом духовной деятельности (рефлексии) становится сам человек, его потребности и способности, его внутренний мир. Есть и еще один уровень, на котором устанавливаются отношения людей по поводу вещей и отношения вещей как выражение связи идей; в философии это называется *практикой*.

Поскольку универсальное опосредование лежит в основе культуры, неуклонный переход от простых актов ко все более опосредованным — явление повсеместное и объективно необходимое. Для человека совершенно естественно препоручать какие-то куски своей работы другим, превращая тем самым личное дело в общественное. Я не могу в данный момент чем-то заняться — но есть те, кто может, и они сделают это за меня, а мне останется воспользоваться результатами их труда. Однако услугой такое «делегирование» труда становится не всегда, а лишь при определенных общественных условиях. Каких? Как легко догадаться, для этого требуется формирование сферы товарного обмена, всеобщность рыночных отношений.

Чтобы это увидеть, вернемся к «триаде» *производство — потребление — обмен* и посмотрим на нее пристальнее, используя в качестве инструмента экономико-философские рассуждения К. Маркса. Оказывается, что в одну схему эти три категории собирает только капитализм, а вообще говоря, никакая это не триада, и следует аккуратнее разобраться в исторических недоразумениях.

Действительно, начинается-то все с человеческих (то есть общественно обусловленных) потребностей — и общественное производство призвано эти потребности удовлетворять. Останавливаться на деталях формирования таких (уже не животных) потребностей и первых форм трудовой кооперации мы пока не будем — это особая тема. Здесь важно, что потребление и производство — две стороны одного и того же, одно не может без другого, — зато способы их соединения (приведения к единству) бывают разными и меняются в ходе общественного развития.

В первобытном обществе обмен продуктами труда далеко не сразу стал обычным явлением.

Там господствовали иные механизмы распределения, во многом унаследованные от животных. Когда человек получил возможность самостоятельно распоряжаться плодами своего труда — это ознаменовало гигантский скачок вперед, переход к новой исторической эпохе, зарождение собственно цивилизации — то есть общественно-экономической системы, при которой связь производства и потребления опосредована сферой обмена (из чего далее логически вытекает неизбежность классового расслоения).

Вот мы и вернулись к теме опосредования. Если я просто так дал что-то тебе и взял что-то у тебя — это еще не обмен. Надо еще, чтобы мы оба расценивали этот акт определенным образом, шли на него намеренно, в здравом уме и трезвой памяти. А это означает, что у каждого из нас уже есть сама идея обмена, и какие-то вещи с самого начала для этого предназначены. Возможно такое лишь при условии, что и другие члены общества воспринимают наши взаимоотношения под тем же углом, что обмен стал общественной нормой — возможно, наряду с другими способами экономического взаимодействия. Следовательно, существует культурная сфера, в рамках которой обмен возможен и допустим, общественно санкционирован. Это отношение людей по поводу продуктов их труда существует объективно, оно не зависит от них — и ведет себя как особый (коллективный) субъект-посредник, деятельность которого состоит в том, чтобы продукт одного человека превратить в предмет потребления другого. Согласно основному определению сознательной деятельности, субъектом такое общественное опосредование становится в силу своей универсальности, приложимости к самым разным объектам и субъектам, вступающим в отношения обмена одним и тем же способом.

Складывается сфера обмена еще в рамках первобытнообщинного строя, а на его закате приобретает весьма развитые формы, от спорадических индивидуальных транзакций — до регулярных межплеменных контактов. В качестве примера можно упомянуть известные в этнографии первобытные отношения родства, со сложными схемами перехода членов одной общины в другие; какую роль механизмы воспроизводства популяций сыграли в формировании сферы обмена — еще предстоит понять.

Собственно цивилизация возникает тогда, когда обмен становится товарным — то есть, уже на стадии производства (начиная с первых подготовительных этапов) его продукт предназначен для обмена — производится не как предмет потребления, а как товар. Разумеется, поначалу лишь небольшая часть продукта становится товаром, и уровень самодостаточности остается весьма подвижным. Но по мере роста производительности труда, в условиях складывающихся классовых структур, все большая доля продукта превращается в товар, и возврата к натуральному хозяйству больше нет.

В любом случае, производство и потребление не всегда были связаны через обмен — и эта форма их связи не вечна. Ей на смену придут другие, и это будет означать крах цивилизации, переход к принципиально иному типу общественно-экономического устройства. Современному человеку трудно такое вообразить. Но, к примеру, предположим, что вместо сферы обмена продукта труда поступают в некую общественную «копилку», из которой каждый вправе взять то, что его заинтересует. В этом случае продукт, с одной стороны, производится уже не для личного (или узкогруппового) потребления — а с другой стороны, производится он все-таки именно как полезная вещь, а не товарная масса. Этот своеобразный синтез первобытности и цивилизации может стать прототипом экономики будущего, в которой посредником между производством и потреблением становится самый универсальный из всех субъектов — общество в целом.

Например, уже сейчас подобный механизм распределения действует в области информационных технологий: новый продукт становится сразу доступен миллионам пользователей — совершенно бесплатно. Для расходуемых ресурсов сюда, конечно же, добавляется технология производства под заказ — чтобы избежать перепроизводства (хотя, конечно, развитие технологий утилизации может эту проблему совсем снять).

Но не будем гадать на кофейной гуще, а вернемся-таки к сфере услуг. В каждом акте труда воспроизводится не только вещь — но и вся совокупность общественных отношений по поводу этой вещи. Именно это мы имеем в виду, когда говорим, что продукт деятельности — единство объекта и субъекта. С другой стороны, культура в целом — единство материальной и духовной культуры. Универсальность на этом уровне означает, что воспроизводство субъекта может стать такой же сознательной целью, как и производство предметов потребления или орудий труда (в каком-то смысле, субъект есть и то, и другое). А следовательно, субъект может быть включен в сферу обмена (в том числе товарного) как и любой другой продукт. Более того, поскольку каждый продукт есть некоторая иерархия материального и духовного, на вершину этой иерархии может выходить то одно, то другое — и на разных ее уровнях возникают свои отношения обмена. Вот там, где рыночная экономика на первый план выдвигает производство субъекта как товара, мы и говорим об услугах.

Очевидно, не всякое духовное производство принадлежит сфере услуг: даже при капитализме основу расширенного воспроизводства субъекта составляет рефлексия, сознательное развитие собственной субъективности. Например, аналитический уровень рефлексии представлен такими культурными явлениями как искусство, наука и философия. Разумеется, рынок пытается и рефлексии подмять под себя; так появляются особые, институтированные формы рефлексии, которые мало чем отличаются от прочей индустрии. Однако подлинная духовность всегда сумеет выйти за рамки рынка, творчески перерабатывая самые жесткие нормы.

Услуга — именно товарное производство субъекта, когда человек (или отдельные его качества) становится вещью среди других вещей, и один субъект обменивается на другого точно так же, как вещи переходят из рук в руки. Взаимодействие субъектов в духовной сфере называется общением; взаимодействие в сфере товарного обмена — услугой. Фактически это означает, что субъект оказывается в состоянии *отчуждать* часть себя, превращая ее в товар. Такой отчужденный субъект отличается от других объектов лишь в одном отношении: он способен создавать нечто новое, что потом можно продать. Такая отчужденная (объективированная) субъективность называется *рабочей силой*.

Мы уже видели, как общество опосредует превращение продукта в предмет потребления — так возникает сфера обмена. Точно так же, для того, чтобы стала возможной «подстановка» одного субъекта на место другого, требуется коллективный субъект-посредник. Это и есть то, что мы называем сферой услуг. Таким образом, сфера услуг — это как бы рынок второго порядка, и прежде всего — рынок рабочей силы. Будет это рабочий на конвейере, частник-сантехник или нотариус — никакой разницы; каждый из них продает прежде всего свою рабочую силу — включая ту ее часть, которая обеспечивает поддержание необходимой инфраструктуры. Разумеется, при этом могут возникать и какие-то отношения собственно товарного обмена.

Так все становится на свои места. Ничего принципиально нового за ростом доли услуг при капитализме не стоит — это лишь другая сторона универсальности товарного обмена, которую, собственно, и утверждает капитализм — именно в этом его отличие от предшествующих общественно-экономических формаций. Преобладание удельного веса услуг над материальным производством — иллюзия, которую умело поддерживают буржуазные идеологи. Про статистику как самую гнусную разновидность лжи — все знают. Несложно придумать способ подсчета, при котором прав будет тот, кто платит. А в основе — всегда преобразование материального мира, сколько бы уровней опосредования мы над этим не надстраивали. Генеральный директор автозавода может за свою жизнь не закрутить ни одной гайки — но он такой же винтик производства, как и прочие управленцы, как инженерные кадры и простые рабочие.

Понятно, что сфера услуг легко превращается в обычный бизнес, ибо, как всякая деятельность, она требует определенной инфраструктуры, а эту инфраструктуру можно купить. Особый характер рабочей силы как товара состоит в том, что она не имеет никакой ценности сама по себе, и рынок услуг всегда надстраивается над сферой товарного обмена, выступающей здесь в

роли материальной основы (хотя сама сфера обмена — лишь надстройка над производственной сферой). Соответственно, контролируя средства производства, капиталист диктует правила игры и на рынке услуг. В частности, бизнес можно продать — вместе с привязанной к нему рабочей силой. Наемное рабство — тоже рабство. Мало кто решится бросить работу при смене хозяина. Разве что если условия труда станут совсем невыносимыми.

Однако стремление к универсальности не только утверждает капитализм — оно же роет ему могилу. Когда любые стороны субъекта могут превращаться в товар, производство развивается в направлении универсальных технологий, реализующих практически любую деятельность при помощи набора стандартных операций. Но эта унификация производства делает средства производства доступными широчайшим массам, подрывая саму возможность эксплуатации человека человеком. Экономический контроль смещается все глубже, на уровень наиболее фундаментальных инфраструктурных решений — но в конечном итоге не остается ничего, кроме политики, — глиняный колосс. Вот тогда самое время ткнуть его пальцем — и пусть рассыплется в прах.

Экономика и математика

Религии бывают разные. Конкурируют меж собой по мере сил. У каждого шамана — свой маленький бизнес. Но по-настоящему мировая религия к концу XIX века осталась только одна. Имя ей — математика.

Независимо от того, какому культу кто-то служит, вера в трансцендентное могущество математики живет в любой душе, и когда другие боги бессильны — на помощь призывают математику, источник чистой и неоспоримой истины. Можно сомневаться в праведности папы римского — но строго доказанная теорема обсуждению не подлежит. Можно скептически относиться к мантрам и медитации — но возможности математического метода вне критики. Можно отрицать существование привидений и богов — но не существование встроенных в каждого от рождения первичных форм: число, множество, функция...

Как во всякой религии, веровать можно по-разному. Непосвященному большинству высшая мудрость попросту недоступна, и приходится обходиться пассивной верой — молчаливым обожанием и безусловным повиновением. Некоторые пытаются хоть немного приобщиться к сокровенным тайнам, проследить движение священной мысли и научиться без запинки произносить сакральные имена: идемпотентность, диффеоморфизм, конгруэнция, кобордизм, голоморфность, экстенционал, ультрафильтр... К этой категории относится славная когорта манипуляторов и шарлатанов, религиозных проповедников, политических аферистов и просто неумеренных фантазеров. Но сюда же принадлежит и большинство серьезных ученых, наивно полагающих, что лишь математическая форма придает знанию подлинную научность. За образец, конечно, — теоретическая физика, полностью растворяющая физический смысл в лабиринте формальных вычислений. Вот и пытаются довести любую идею до числа, щеколят математическими метафорами, наводят всевозможную строгость...

Экономика не исключение. В каком-то смысле математическая религия ей очень даже к лицу. Поскольку выросла экономическая наука из обыкновенной бухгалтерии — то есть, с самого начала даны абстрактные числа, и надо свести баланс без сучка, без задоринки. Экономика — это своего рода физика гуманитариев. В древности, ведь, числа так и внедрялись в жизнь параллельно по двум направлениям: физические измерения (пространство, время, масса) — и коммерция, товарный обмен, денежное обращение. Из остальных может еще претендовать на первичную математичность разве только право — но поскольку численно выразима лишь мера наказания, а мера вины (которой наказание, по идее, должно соответствовать) исчислению не поддается, возникает неустрашимый произвол — чем власть имущие всегда и пользовались в своих интересах. А в экономике, казалось бы, все точно: купил — продал — наварил. Только

почему-то не у всех получается. Вот и греет душу вера в математику — надежда, что при хорошем расчете наша любовь к деньгам обретет долгожданную взаимность.

С появлением компьютеров математическая вера обрела второе дыхание. Человек слаб, крутить в голове много больших чисел ему трудно и лень. А в теорию мы верим — вот и пусть просчитают все по теории железные мозги. Тогда, можно сказать, все будет вдвойне железно.

Разного рода гадательные таблицы появились в экономике очень давно. А когда экономисты увидели, как лихо физики размножают сущности при помощи матанализа, им стало завидно, захотелось тоже покрасоваться. Помните, про конька-горбунка?

«...Да не худо
И завести такое чудо.
Гей, повозку мне!» И вот
Уж повозка у ворот.
Царь умылся, нарядился
И на рынок покатился.

Вот и мы тут — про рынок. В начале XIX века дифференциалы с интегралами бывшие гуманитарии с грехом пополам освоили. Появилась теория дифференциальной ренты, стали интегрировать уравнения для процента. Дурное дело, как говорится, не хитрое. В XX веке сколько на этом нобелей получили — подумать страшно. А воз и ныне там. Кризисы, революции, войны... Со сказочным царем — все знают, что произошло. Так уж оно заведено у них, на рынке: оплачивали миллионы несчастных заработки немногих счастливицов — и до сих пор платят. Игрный дом. Лотерея.

Экономика таки не физика. От результатов наших вычислений может зависеть их дальнейшая применимость. Но даже если ограничиться периодами относительной устойчивости — необходимости искать объективные законы движения в науке никто не отменял. А что мы видим? Голый эмпиризм. Берут две-три колонки из бухгалтерской ведомости — и пытаются связать их абстрактной формулой. Иногда, впрочем, чтобы это не выглядело совсем уж порнографией, прикрывают срам туманными рассуждениями общеэкономического свойства — опять же, взывая к реалиям рынка и не приводя ни малейших обоснований. Математическая экономика не идет дальше примитивной статистики, и все эти игры с интегралами, дифференциальными уравнениями, регрессиями и, наконец, с теорией игр, — не идут дальше того, чем гуманитарная статистика всегда была и остается по сей день: дымовая завеса, пропаганда, ложь.

А наука призвана не просто баловаться нумерологией; ее задача — построить динамическую модель. То есть, указать существенные взаимодействия, те силы, которые объективно действуют в изучаемой системе и определяют характер ее движения. Когда один товар обменивается на другой — это не взаимодействие, это всего лишь транзакция, изменение состояния рынка. Вопрос — почему товары обмениваются именно так. Никакие формулы на это не ответят. Требуется на время забыть о математике и обратиться к сути дела, увидеть источник экономического движения. Причем источник именно экономический — а не что-то из области общественной психологии или политической конъюнктуры.

Оказывается, чтобы строить подобные теоретические фундаменты (основания науки), нужно уметь посмотреть на свою науку со стороны. А этим занимается философия — которая вовсе не наука, а особый инструмент для связывания всего и вся воедино. Потом, когда мы уже связали концы с концами, можно наводить глянец, придумывать все новые формы той же связи. Все это частности, детали — безусловно необходимые — но ни одна из них, и даже все вместе не в состоянии передать всю полноту понятия. Когда науке придают форму математической теории, наука получает в свое распоряжение еще одну формальную модель, применимую лишь в ограниченной области — а за ее пределами надо менять математику. Только имея в голове общую идею, можно увидеть, какие именно упрощения приводят к возможности формализма. Вот и получается, что математика — это приближенный способ высказать то, о чем мы уже

составили точное представление. Что-то возможно выразить фразами обычного языка. Для чего-то требуются схемы и формулы. Но способы выражения не заменят того, что мы этим пытаемся сказать.

Экономика может стать наукой — и такая наука сама по себе интересна и практически нужна. Но есть и другой уровень экономики — категориальное постижение всеобщих принципов экономического развития. Такая философская дисциплина была (не очень удачно) названа политической экономией. И это именно то, чем занимались многие старые экономисты — и чем потом основательно занялся Карл Маркс. Перед ним не стояла задача создания эдакой продвинутой бухгалтерии; ему надо было не просто вычислить что-то — а объяснить, когда и почему следует вычислять именно так. И вывести на чистую воду жуликов, фокусников от экономики. Именно поэтому не стал он влезать в дебри математического анализа (хотя наедине с собой и в переписке с Энгельсом пытался осмыслить его возможности) — а ограничился простейшими пропорциями, наглядно показывающими то, что буржуазные экономисты хотели бы от публики утаить.

Когда в начале XX века грянула революция в физике, это было идеологически подготовлено утверждением нового направления в философии — неопозитивизма, с его идеей отказа от объективности, призывами ограничиться формальной переработкой эмпирического материала, кроме которого, якобы, у нас ничего нет. Неважно, почему все происходит именно так — примите к сведению и не пытайтесь искать других возможностей. Когда потребуется, вам их начальство предоставит. А поперед батьки — ни-ни!

Во многом именно позитивизму обязаны мы той теоретической кашей, которая держится в физике уже больше века. Позитивизм подсказывал Эйнштейну пошлые интерпретации формул теории относительности, а квантовая физика запуталась в хаосе формальных трюков, так и не сумев найти собственную предметность.

Но начиналось-то все именно с экономики! Напуганная Парижской коммуной буржуазия дает экономистам социальный заказ: устранить из экономической теории всякую возможность политических выводов, вывести ее за рамки классовой борьбы. И вот, начиная с 1871 года, в экономике происходит реакционный переворот: трудовые теории стоимости решительно отвергнуты, труд (и рабочий класс) больше не является экономической категорией (а значит, и претендовать ни на что уже не может). Нет больше старой философствующей экономики (*economy*) — а есть новая наука, которая и называется иначе (*economics*), и не имеет права заниматься чем-либо кроме эмпирии рынка, пытаясь навести на это математический глянец. Вплоть до полного устранения любых попыток обобщения, когда все сводится к методам статистического анализа (эконометрика). Вот он, неопозитивизм без намордника. Именно эту программу позже перенесут на почву физики и социологии Мах и Авенариус. Именно ее отстаивал с пеной у рта Богданов — и против нее (столь же пенисто) сражался Ленин. Остается загадкой истории, как Ленин, который начинал именно с экономических изысканий, не углядел, откуда ноги растут, и не связал шум вокруг физики и физиологии с контрреволюцией 1871 года в экономике...

Впрочем, речь не об этом. Сейчас, через сотню лет, мы понимаем, почему позитивизм так бурно развивался и пустил глубокие корни в общечеловеческой культуре. Да потому, что за это хорошо платят. Господство англо-американского капитала в мировой экономике напрямую связано с господством англо-американского позитивизма в идеологии. В самом начале XX века, когда Франция была еще могучей колониальной державой, а относительно молодая капиталистическая Германия стремилась чужие колонии отнять, это было не столь очевидно.

Однако вернемся к философии и науке. У них разные задачи в сфере аналитической рефлексии. Наука намеренно отделяет себя от своего предмета, абстрагируется от него — и через это приходит к осознанию его внутреннего богатства, к пониманию диапазона возможностей. Дело же философии — указать пути освоения мира, в соответствии с открытиями любых наук. С одной стороны — предмет как он есть; с другой — мир каким мы хотим его сделать. Отсюда и

методические различия. Наука — поиск равновесия, определение диапазона параметров, при котором возможно относительно устойчивое движение. Напротив, философия интересуется как раз моментами нарушения равновесия, указывает на возможность перехода от одного типа устойчивости к другому (разнообразие, диалектика) — и необходимость снятия всех этих неустойчивостей в организации более высокого уровня (развитие, диалектика). Вытравливая из экономики (или из физики) философию, буржуазные экономисты (или физики) лишь отчаянно борются за сохранение капиталистического строя, который лично их вполне устраивает, неплохо оплачивая их идеологические труды.

О комплексной экономике

Буржуазная политэкономия любит говорить о деньгах и не любит говорить о живых людях. Продуктами человеческой деятельности она интересуется лишь поскольку их возможно купить или продать — то есть, превратить в товар. А товар — это уже не вещь, это представленное вещью общественное отношение. То есть, нечто идеальное — и можно абстрагироваться от грязи бытия ради возвышенных фантазий о гармонии труда и капитала, буде восторжествуют каноны строгой экономической науки... Разумеется, буржуазной. Потому что человеческая наука не для того, чтобы себя кому-то навязывать, а для того, чтобы честно изучать, как оно бывает и предполагать на этом основании, как оно могло бы быть.

Так вот, есть простой факт, который не берутся оспаривать самые упертые рыночники: чтобы изо дня в день воспроизводить себя и сообщество, человеку требуется энное количество вещей определенного качества, и без этого никакое иное воспроизводство просто невозможно. Далее, для производства данной конкретной вещи необходимы вполне материальные предпосылки в виде комплекта исходных компонент (включая сырье и полуфабрикаты разного уровня) плюс то, чем все это в конечный продукт возможно превратить (включая органические тела или их взаимодействия в рамках коллектива). Наконец, сам собой продукт обычно не появляется, и требуется приложить какие-то усилия, соединить технологии с природой и придать материалу нужную форму. Заметим: не какую-нибудь форму, а именно ту, что требуется. Не абстракт продукта, а полезную вещь. Именно это последнее обстоятельство начисто потеряно в теориях рынка, где один продукт ничем не отличается от другого, ибо их различия сняты в стихии товарного обмена, превращающей индивидуальность качеств в чистое количество, в стоимость, так что на место реальной пользы встает бессмысленная корысть.

Конечно, буржуазный экономист может рассуждать об отраслевой структуре производства, о подобии, взаимозависимости и дополнительности продуктов, — наконец, о различии товаров и услуг. Но поскольку целью производства он полагает одно лишь получение прибыли, а вовсе не удовлетворение наших насущных потребностей, одна абстрактная «отрасль» как две капли воды похожа на другую, а любая мера объема продукции нужна лишь затем, чтобы умножить ее на какую-нибудь цену и прийти, наконец, к рыночно конвертируемой сумме в деньгах. Соответственно, потребность в том или ином продукте на базаре сводится исключительно к денежному выражению; по сути дела, речь идет не о потребности, а о возможности продажи — и для этого даже придуман специальный термин «платежеспособный спрос» (никакой иной спрос рыночника, по определению, не интересуется).

Понятно, что при таком раскладе любая полезная деятельность превращается в абстрактный труд, процесс производства стоимости; отдельно взятый человек экономиста интересует лишь как единица измерения этого абстрактного труда, и в этом плане он ничем не отличается от любой иной производственной единицы — остается только форма: «физическое лицо». Точно так же и потребление теряет собственно человеческий смысл и превращается в абстракцию вложения денег, так что и люди, и предприятия, и целые отрасли универсально трактуются как «центры затрат» (cost center). Возможность подобных «упрощений» связана с иерархичностью субъекта деятельности: всякий субъект по существу коллективен — и сознательные одиночки

представляют социальные группы, как минимум, самим фактом своей сознательности. Однако одно дело — многоуровневая экономика, разнообразие форм деятельности, а совсем другое — плоский рынок, сплюснутая иерархия в которой субъекты производства или потребления формально идентичны, представлены только одной из сторон — размером капитала.³

Мне возражают: в том и сила науки, что все богатство природы она умеет свести к нескольким абстракциям, единообразно представить внешне несопоставимые уровни бытия. Когда второй закон термодинамики формально объединил механическое движение, теплоту, химические превращения и квантовые эффекты, это значительно углубило наше понимание природы и дало мощный импульс развитию наук и технологий. В физике мы можем говорить о сохранении и превращении энергии — почему в экономике нельзя ввести столь же универсальную меру, стоимость?

Аналогия вполне законная; из нее можно делать далеко идущие выводы. Если, конечно, не забывать, что, помимо энергии, в физике имеется немало других понятий, дополняющих неизбежную однобокость энергетических представлений. Например, сохранение энергии в физике связано с однородностью времени; аналогично в капиталистической экономике возможны состояния относительного равновесия, когда объем общественного богатства в целом сохраняется, и характер движения определяют процессы перераспределения капитала. Но точно так же, как в физике уход от равновесия может привести к существенным изменениям в строении систем и потребовать иных способов описания, расширенное производство рано или поздно требует перестройки всех общественных отношений, вплоть до устранения из практики понятий собственности и капитала. В такой экономике также возможны разного рода количественные оценки — но они вовсе не обязаны опираться на товарный обмен.

Например, «макроскопический» подход может исходить из предположения, что в каждый момент экономического времени мы знаем наличное количество каждого продукта в обычных для него единицах измерения (штуках, тоннах, квадратных километрах — или, скажем, тиражах публикаций, посещаемости или индексах цитирования). Можно оценивать изменения этого количества за малый отрезок времени — но достаточно большой, чтобы вместить множество циклов производства-потребления. Очевидно, полное изменение количества каждого продукта получается как разность произведенного и потребленного количества. Буржуазный экономист не преминет добавить также величину «естественного» приращения или убыли — якобы, для учета вовлекаемых в производство природных ресурсов, возникающих и разрушающихся без участия человека; сюда же входит «естественная» амортизация — старение и ветшание произведенных человеком вещей (или научных теорий). На самом же деле никакой природный процесс не может произвести ни одного продукта; продукт создается в деятельности, и только в ней. Природные вещи участвуют в производстве и потребляются на в своем природном виде, а в особой, опредмеченной форме: чтобы ввести какую-то вещь в употребление (или вывести их него), надо произвести определенное сознательное действие. Человек (как сознательное существо) не просто использует природные ресурсы — он использует их как элементы культуры, предполагающей подобное использование. В каких-то случаях человек ведет себя подобно животным, или неразумной стихии, — но здесь мы выходим за рамки собственно человеческого, а следовательно и за рамки экономики.⁴

При данном конкретном способе производства изготовление единицы продукта требует потребления вполне определенного количества других продуктов. Точно так же, расходуется каждый продукт на вполне определенные цели, в заданной пропорции. В линейном случае дело

³ Совершенно аналогично фрейдизм сводит психику к сексу, юнгианство — к поведенческим стереотипам, и т. д. Практический психолог не может положиться ни на одну из теорий — и вырабатывает для себя нечто синтетическое, приспособляя методы оценки к индивидуальной ситуации.

⁴ При переходе к иерархической теории появляются «свободные» члены в уравнениях — они учитывают те сферы экономики, которые на данном уровне в расчет не принимаются, играют роль фона для нескольких выделенных отраслей.

сводится к заданию своего рода «структурных коэффициентов», описывающих зависимость одних отраслей от других. Учитывая, что в равновесной экономике относительное количество продуктов (экономический профиль) не меняется, получаем систему уравнений экономической кинетики, с которой потом каждый разбирается с учетом собственных склонностей. В плановой экономике постановка экономических задач легко учитывается заданием ненулевых темпов изменения для ключевых продуктов — и полученная неоднородная система позволяет заняться поисками оптимальных путей удовлетворения наших потребностей.

Подобная технология допускает сколь угодно развитые экономические модели, построенные, что называется, без единого гвоздя — то есть, нигде не прибегающие к понятиям стоимости или цены. Заметим, что способность людей что-либо производить здесь не принимает форму рабочей силы и не противостоит всему остальному, воспроизводится как всякий другой продукт. Ясно, что подобная простота с неба не падает — за нее еще надо побороться, до нее надо дорасти. Капиталистическая экономика расщепляет материальную и духовную культуру на формально независимые области, воздвигает между ними искусственные барьеры: вместо непосредственного использования продукта *A* в производстве продукта *B* мы должны сначала произвести рыночные эквиваленты продуктов *A* и *B* (стоимость), и лишь по итогам рыночных спекуляций в какой-то мере допустить производственное использование. Понятно, что такая система экономически неэффективна — и утвердиться она могла лишь в условиях отсутствия чего-либо относительно разумного.

С точки зрения вышеописанной макроскопической картины, внедрение рыночных отношений означает эффективное расширение набора возможных деятельностей и состава производимых (и потребляемых) продуктов. При этом значительная часть наличных ресурсов и труда идет тогда не на общую пользу, а на сохранение капиталистической системы, сферы рыночного обмена. Вместо производства реальных вещей — нечто мнимое, не для пользы, а для барыша. Можно было бы формально отразить это в кинетической модели, полагая количества такого продукта мнимыми числами; вся экономика тогда распадается на действительную и мнимую части. Поскольку же одни продукты связаны с другими в целостности способа производства, каждый продукт в конечном итоге «расщепляется», становится комплексным: отчасти он производится для удовлетворения человеческих потребностей — а отчасти ради продолжения базара. Создание и разрушение переплетаются настолько, что одно от другого уже и не отличить...

Если оставаться на уровне метафор, можно вспомнить о математическом значении мнимости как корне из отрицательного числа; точно так же, корни рынка в недостаточности чего-то жизненно важного — и наоборот, корни всяческих дефицитов врастают в рыночные интересы. Комплексные числа в математике (и физике) есть просто удобный способ формально изобразить вращение; связь с обращением капитала вполне прозрачна.

На самом деле, аналогия выходит за рамки чистой метафоричности. Детально развивать эту тему придется где-нибудь в другом месте — но пару намеков почему бы не подпустить?

С самой общей точки зрения, продукт есть единство объекта и субъекта — и потому имеет объектную и субъектную стороны, становится элементом как материальной, так и духовной культуры. И воспроизводится в деятельности целиком, в единстве этих противоположных и взаимодополняющих сторон. Есть вещи — а есть отношения людей по поводу вещей. Не бывает одного без другого. Отношения собственности — частный случай. Самое примитивное. Но даже когда капитализм уйдет в далекое прошлое, люди будут руководствоваться не только практическими мотивами — но и чем-то еще, формально бесполезным и дополнительно нагружающим экономику. Реальной экономике всегда сопутствует идеальная. Но разумность состоит в том, чтобы не принимать собственную тень за меру всех вещей, не подчиняться стихийно сложившимся условиям воспроизводства, а намеренно допускать в общественном хозяйстве определенную степень мнимости — ради вполне практического результата, — и столь же свободно менять организацию производства при действительной необходимости.

Примитивы экономической логики

Марксисты всех мастей основательно занимались логикой «Капитала». Опубликованы сотни толстых книг и длинных статей, прошла не одна «научная» конференция... И что? Где результат? Почему мы не видим ни одной серьезной попытки применить эту логику к чему-нибудь еще, кроме политической экономии капитализма? Где исследования применимости той же методологии в других общественных и необщественных науках? Даже философствование по поводу формальной и неформальной логики обходит стороной великие логические открытия Маркса. И пахнет от такой, якобы диалектической логики вовсе не Марксом, а чем-то вроде Виттгенштейна...

Причина, как обычно, в неразумности и ограниченности. То, что Марксу, Энгельсу и Ленину казалось само собой разумеющимся, не заслуживающим особого упоминания, прошло мимо их ревностных последователей, не отложилось в сознании в качестве логического фундамента. С другой стороны, наши классики в пылу революционной борьбы не придавали должного значения уяснению и разъяснению ее философских основ — и все гениальные находки остались преимущественно в конспектах, в замечаниях по поводу. Гениям свойственно легкое отношение к собственной гениальности: они лихо вываливают драгоценности в кучу мусора, и отделять зерна от плевел приходится более рачительным потомкам. А для этого требуется не меньше гениальности. Не в персонализированной форме, а как культурная струя.

Рассказы про то, как все разнообразие рынка выводится из элементарной операции обмена, про восхождение от абстрактного к конкретному, выглядят очень эффектно. При этом забывают о том, что абстракция — это вовсе не примитив, не первобытность, а итог долгого исторического развития, восхождения от эмпирии. Каждая абстракция выражает суть некоторого способа деятельности — и было бы странно предполагать, что суть эта, подобно платоновским идеям, существует сама по себе, независимо от самой этой деятельности, от ее общественной зрелости. «Капитал» начинается не с первобытной стихийности, а в условиях победившего капитализма, когда его логическая основа уже способна проявиться в своей наглой наготе. Элементарный акт обмена по Марксу — это уже акт *товарного* обмена, предполагающего отделение меновой стоимости продукта от его потребительской полезности, что собственно и делает такой обмен абстрактным выражением логики рынка.

Рассуждения о дикарях, меняющих ракушки на кокосы, — это всего лишь метафора, способ выражения. Как только мы начинаем всерьез отождествлять логическую элементарность с исторической неразвитостью — мы впадаем в логический примитивизм, который так удобно критиковать нашим идеологическим противникам, борцам за рыночную «демократию». Маркс, видите ли, жил очень давно и много не знал: современные «точные» методы исследования рынка позволяют, по мнению апологетов капитализма, найти правильный баланс интересов (предполагая, что людей могут интересовать только деньги) и привести мир к идеалу всеобщей (рыночной) гармонии... В пучине все более свирепых кризисов нас успокаивают сказочками о грядущем собственническом рае, до которого, правда, никому никогда не дожить.

Когда Маркс, говоря об элементарном акте обмена, забывает лишний раз напомнить, что речь идет именно о *товарном* обмене, а не каком-либо еще, он подставляется буржуазной критике и на корню губит ростки диалектического метода. При таком раскладе легко вообразить себе, что *всякий обмен вообще* с неизбежностью приводит к формированию рынка — и к становлению капитализма, от которого, получается, и уходить-то некуда.

Вступая в совместную деятельность, люди неизбежно чем-то обмениваются. Иногда взглядами. Иногда ролями. Иногда продуктами. Но лишь в определенных исторических обстоятельствах, и лишь в определенном отношении, все это превращается в товар — то есть, нечто изначально *предназначенное* для обмена, взятое только с этой стороны. Сознательная деятельность людей отличается от поведения животных как раз тем, что любая вещь (вос)производится в ней не сама по себе, а ради чего-то, заранее предполагает определенные формы потребления. Исходно

мы стремимся удовлетворить разнообразнейшие потребности — для этого все и затеяно. При таком отношении нет смысла производить больше, чем сможешь потребить. Когда невозможно произвести все необходимое самому, можно попытаться взять у других. Как? Первобытный (примитивнейший) вариант — отнять. Дальше раскручивается по спирали: искусственно созданный дефицит запускает новый цикл производства, причем не этот раз производится больше продукта, с учетом возможных потерь; когда потребности узурпаторов насыщены, возникающие у кого-то излишки можно обменять на такие же излишки у других; постепенно продукт начинает производиться не по нужде, а только для того, чтобы обменять его на что-то еще — и это создает предпосылки для зарождения товарного производства.

Заметим, что сам по себе обмен продуктами деятельности вовсе не обязан быть товарным. Если я произвел больше, чем могу потребить, найдутся те, кому плоды моего труда для чего-то пригодятся, а я смогу точно так же позаимствовать то, что у кого-то пока не у дел. Только там, где я *вынужден* отдавать часть своего продукта в обмен на возможность сохранить свое существование, я стану производить не для того чтобы удовлетворить свои потребности и потребности общества в целом, а просто чтобы отдать, отделаться от повинности. Товар поэтому с самого начала есть выражение классового насилия, а его меновая стоимость — мера принуждения.

Разумеется, формы принуждения могут быть какими угодно. Применение силы или угроза — отходят на задний план, вытесняются массовой психологической обработкой, меняющей структуру мотивации и представляющей рыночную стихию как естественное стремление и внутреннее побуждение каждого хозяйчика. Когда нет прямых угроз, люди пытаются уйти от воображаемых. Духом рынка человек пропитывается насквозь: вместо того, чтобы жить по любви, он начинает творить *ради* любви. Это в мыслях, в языке, в тайных движениях души.

Разумный обмен исходит из потребностей и возможностей, каждая вещь в нем остается качественно своеобразной, независимо от сопоставления с другими вещами. Элементарный акт товарного обмена — это всегда сравнение, уподобление одного другому, эквивалентность. От качества мы переходим к количеству, от живого продукта — к абстрактному, к стоимости. Но абстракции могут существовать лишь как общественное отношение. И живут они не дольше, чем общественная система, воспроизводящая определенный исторический тип отношений между людьми.

Говоря об исторических типах, мы подразумеваем, что в каждом реальном обществе имеется и нечто нетипичное — или, скорее, типичное другого уровня. В частности, труд на продажу всегда сочетается с иными видами труда. Иногда это доходит до явного противопоставления, иногда разные стороны тесно переплетаются, не переставая различаться. И здесь еще один важнейший момент марксовой теории прибавочной стоимости — ее трудовое происхождение. Еще до Маркса абстракция порождающей стоимость труда стала литературным штампом. Прискорбный факт: Маркс не сумел показать, что далеко не всякий труд порождает стоимость, а только тот, который связан с товарным производством — и, следовательно, сам является товаром. Хотя, судя по всему, прекрасно это понимал. Вероятно, и без того толстый первый том «Капитала» превратился бы в десяток томов, если бы сделать все необходимые оговорки. И стал бы очередным академическим упражнением, а не учебником классовой борьбы.

Но примитивное толкование марксизма уперлось именно в этот, частный тип деятельности, забывая о бесчисленности всех остальных. Абстрактный труд — порождение абстракции товара, выражение несвободы. Когда Маркс говорит, что мерой свободы следует считать долю времени, не связанного с обязательным (производящим стоимость) трудом, он вовсе не имеет в виду устранение от всякого производства вообще — а только переход от товарного к нетоварному производству. В конце концов, просто лежать кверху пузом можно либо за деньги, либо для души — в первом случае это труд на продажу, источник стоимости; во втором — воспроизводство одного из элементов культуры, столь же необходимого, как и любой другой, несмотря на кажущуюся малозначительность.

Сегодня буржуазия смело ставит Маркса в один ряд со Смитом и Рикардо, снисходительно причисляя их к давно уже устаревшей экономической школе, выводы которой допускается рассматривать на уровне исторического анекдота, не более. Тем более, что господа-марксисты (начиная с Богданова и Бухарина) зачастую не прочь побаловаться буржуазными новодами, а те, кто баловства не одобряет, ничего путного (в смысле обогащения одних за счет других) на свет не произвели.

Главное у Маркса — вовсе не то, что стоимость производится только живым трудом, а не мистически возникает из ранее накопленного богатства. Исследование базарного хозяйства важно ему лишь для того, чтобы обозначить исторические пределы капитализма, убедиться в объективной необходимости перехода от труда на продажу к труду творческому, свободному. А для этого надо выйти за рамки товарности как таковой, показать ограниченность товарного обмена как экономической формы. Именно поэтому потребовалось вытащить на свет основу рынка, единичный акт товарного обмена, и вырастить из него, как из зародыша, историю цивилизации, иерархию общественно-экономических формаций, основанных на эксплуатации человека человеком, на отчуждении от труда и принуждении к труду.

Зародыш нового экономического строя — в переходе от распределения совокупного продукта к прямому удовлетворению потребностей. В некотором смысле это возвращает нас к принципу первобытной экономики — единству производства и потребления. Однако если в древности излишков продукта не возникало естественным образом, в силу отсталости технологий, на новом уровне мы *сознательно* отказываемся от лишнего, сосредотачивая высвобождающиеся ресурсы на перспективных направлениях развития. Разумеется, такой способ воспроизводства требует умения держать под контролем разнообразие качественно определенных продуктов, а не только количество денег на счетах. Есть основания полагать, что новые методы управления складываются уже сейчас. И новая экономика появится на свет если не при нас, то хотя бы при жизни человечества.

Наука и расчет

С древнейших времен человек пытался обуздать неразумную стихию, навести в мире порядок. Это его основное занятие. Однако получается пока не очень. Хотя даже нынешние успехи могут иной раз показаться колоссальными — если не сравнивать с горами мусора и не думать, какой ценой. И вот, время от времени закрадывается кому-то в голову мысль, что все наши беды — от безалаберной неорганизованности, и стоит расставить по полочкам самих себя — как тут же понесется прогресс семимильным галопом... А кто у нас за полочки отвечает? Ясно дело, наука! Стало быть, нужна научная организация всего на свете — и прежде всего научная организация труда.

В древней античности вопрос вообще не возникал, поскольку порядок искали в природе вещей, а человеческая способность в мире устраиваться понималась как особое качество человека-вещи, хитроумие (чем и прославился островитянин Одиссей). Но пришло иное время — лихое, неудобное, полное тиранов, олигархов, и не менее свирепых демократов, всеми силами домогающихся лишнего кусочка власти. С экономической точки зрения понятно: что было не занято — уже поделили, и пора затевать передел. Один говорит: я это хочу. Второй в ответ: нельзя, это мое! Крыть, вроде, нечем — но в рукаве есть козырь: а ты кто такой?! По традиции авторство приписывают афинянину Сократу. Из-за которого многие лишились имущества, дома, а кое-кто и жизни, — но потом собрались с духом и порешили самого патриарха, прикрыв его грехи статусом мученика. Два ближайших ученика и соратника произнесли положенные по случаю слова — и уже ничем не стесненные вступили в беспощадную схватку друг с другом, совершенно по-разному рисуя и своего учителя, и его учение.

Антисфен (из партии Белой собаки) предлагал прежде всего разобраться с самим собой, сводя

правильность к первобытной естественности: не надо мне ничего лишнего, и пусть каждый делает лишь то, что подобает его природе и не рвется к большему; тогда, дескать, общество само собой разумно устроится, поскольку каждый будет занят полезным делом, а на всякие подлости у него времени уже не будет. Да и не зачем, раз все люди равны и все на все имеют право. Радикальный вариант этого учения продвигал собака-Диоген; его обожатели-кинники постепенно смягчали неудобные места собачьей философии и превращались в добропорядочных горожан (бюргеров), хотя бы и с развитым чувством юмора, периодически проявляемым в ернических стишках.

Но победил-таки Платон, основатель партии имени известного античного стукача Академа. Платоновская идея порядка — на порядок продуктивнее наивных мечтаний о стихийной самоорганизации, поскольку, с одной стороны, утверждалась привычная природность порядка, его независимое от людей существование, а с другой — отсутствие порядка в мире легко объяснялось необходимостью активного его установления в соответствии с сутью вещей. Понятно, что наводить порядок будут не рабы — тут нужны богатые и просвещенные хозяева, способные поставить на место людишек вроде Диогена, который и в рабстве осмеливался поучать господ. Нет, — говорил Платон, — есть объективно истинная иерархия, и коли уж поставила судьба у руля — так давай, рули, а остальных при надобности не грех и принудить к порядку, используя специально для того возникшие силовые структуры. Массы же обязаны почитать хозяев и сознавать важность своей незавидной доли для мироустройства в целом.

Поскольку наставлять хозяев на путь истины предстояло мудрецам-академикам, самосущей ценностью объявлялась истинная наука: не какие-нибудь там прикладные соображения, а постижение идей, теоретизирование по поводу всеобщей необходимости мировой связи. То, что платоновская наука изначально призвана обслуживать интересы господ, не делает ее прикладной: лакейство не ремесло — это святое служение.

Не надо большого ума, чтобы догадаться, чья философия больше импонировала начальству. Сочинения Платона интенсивно тиражировались и разлетались по всем колониям. Творения киников несколько веков целенаправленно уничтожали; сохранились они лишь в упоминаниях современников, да в ходячих анекдотах... Но идеи не умирают бесследно: в новое время мысль об отказе от всяческих идей вообще (думать народу вредно!) оказалась весьма популярна и получила широчайшую рекламу, стала стандартом образования; даже обожествленная наука сведена к примитивной самоорганизации разрозненных впечатлений — это называлось эмпириокритицизмом, неопозитивизмом, а потом и многими другими -измами. Получился парадоксальный гибрид Платона с Антисфеном: всеобщий порядок, вроде бы, есть — но он ниоткуда не следует, и чем один порядок лучше или хуже другого — не нам решать. Вот в этом последнем пункте вступают нынешние господа и интенсивно соглашаются: правильно говоришь, правильно... Наставники уже не нужны, а нужны просто лакеи, послушно отрабатывающие деньги спонсоров, промывая мозги всем подряд.

В пределах этой генеральной линии возникали и будут возникать всевозможнейшие вихляния, тонкая игра авангарда и пещерности, периодические (или не очень) чередования пристрастий и увлечений. Внутри каждой исторической эпохи есть свои самостийные эпошинки, а внутри них часто заявляют о себе всяческие этапы и этапочки. Так и с попытками разогнать прогресс путем научной организации производства: вспыхнет мода, попенится — и уйдет. На волне индустриального подъема в начале XX века казалось, что организационный рай уже близок; раздолье для теоретиков вроде Богданова, с его эмпириомонизмом и тектологией. Тьюринг и Гедель (вскормленные логическими экзерсисами венского кружка) вскопали математическую ниву и посеяли зерна компьютерной науки. Но грянул мировой кризис — и пришлось выгребать по наитию. Потом еще один период относительной стабильности — и вот вам кибернетика (претендующая на роль всеобщей науки об управлении). Очередной кризис опять загнал экономику в область волевых решений и гонки приоритетов. Но в «позолоченный век», когда загнивающий запад мирно сосуществовал с разлагающимся СССР, рационалистические иллюзии снова поднимают голову: косяком пошли проекты индустриализации творчества,

автоматического решения проблем, планирования научных открытий... Чуть дрогнуло — и уже наготове идеологи беспредметного «дискурса» и безыдейных «деконструкций». На следующем витке — попытки уйти в себя, заняться «самосовершенствованием», пока несовершенный мир не закончит заново делить деньги и сферы влияния.

Так и существуем помаленьку... От одного мира до следующего, от одной войны к другой.

В чем же дело? Неужели человек настолько неразумен, что даже свой крошечный уголок Вселенной не умеет обустроить и приручить? С глубоким прискорбием приходится признать: далеко человечеству до торжества разума — или, на худой конец, хотя бы минимальной рациональности... Если от крутого профессионала требуют, чтобы он употреблял свой профессионализм не для общественно полезных задумок, а только ради того, чтобы кучке воров было что еще своровать, — что проку от этой великой учености? Экономический и общественный прогресс в такой картине — сопутствующее явление, побочный эффект, без которого (к сожалению некоторых) и воровать всласть не получится.⁵

Ладно. Пусть нет в мире совершенства. Однако по жизни-то, вроде бы, оказывается, что владение передовыми технологиями производства и управления действительно ведет иногда к баснословным барышам и выводит предпринимателей второго эшелона на уровень финансовых воротил. Значит, и в нынешней, исторически ограниченных индустриальных формах есть зачатки последовательно научной организации, которая когда-нибудь станет главным двигателем культурного развития...

Вопрос, как говорится, интересный... И подходить к нему можно по-разному. Например, оказывается, что значительная часть внедренческих выгод сродни финансовым пирамидам: быстро вложиться, быстро вывести деньги из бизнеса — тогда все, кто не успел, будут кусать локти с приходом очередного экономического кризиса: тысячи разбитых надежд, банкротства и самоубийства... Но на этом этапе новые технологии успевают кристаллизироваться и окрепнуть, избавляются от первоначального идеализма и трезво оценивают сферу возможного влияния. Приходит дядя со стороны, скупает с потрохами обесценившийся бизнес — и может его реорганизовать на действительно научных началах, и готовить потихоньку почву для новых творческих поползновений. О чем давным-давно писал некто Маркс в третьем томе трудной книжки с обманчивым названием: «...крупное предприятие зачастую процветает лишь во вторых руках, после того, как обанкротится первый его владелец, а второй, купив его по дешевке, таким образом уже с самого начала приступит к производству с меньшими затратами капитала». Разумеется, то же относится и к сфере духовного производства — в частности, к самой науке. Наглядные примеры в изобилии, от Платона до наших дней.

Причина, как обычно, в людском неразумии. Способ производства — не хаотическая смесь, не статистическое среднее; это динамически связанная целостность, в которой нельзя дернуть в одном месте, чтобы не отозвалось в другом. Разумно устроенная экономика не гоняется за модой, ей некуда спешить — и можно строить по порядку, по плану: сначала фундамент, общая инфраструктура, — а потом уже стены и крыша. Капитализм поступает с точностью до наоборот: начинаем с отделки, с броских деталей; а потом пусть все рухнет — лишь бы не на нас. Пока новая организация производства внедряется спорадически, в относительно изолированных областях, это не влияет на способ производства в целом, а сверхприбыль быстро выводится из экономики либо перекачивается в традиционные экономические формы. Но в условиях жесткой конкуренции ни один капиталист не может равнодушно смотреть на доходы других — и каждый стремится тупо воспроизвести формулу чужого успеха. А это уже насилие: экономических условий для массового внедрения пока нет — и рыночную экономику начинает клинить. Только потом, на руинах прошлого, ценой многих страданий, по свежим

⁵ В этой связи следует упомянуть и безнадежное стремление компьютерных авторитетов истребить в корне саму возможность побочных эффектов в «правильно» написанной программе — для этого изобретают всевозможные технические ухищрения, жестко регламентированные языки программирования и платформы разработки.

трупам, вырастает новый баланс сил и технологические решения вписываются в культурные рамки. Кризис бьет всех — но тяжелее тем, у кого нет запаса прочности, банковской брони, за которой можно отсидеться, переждать, — чтобы после катастрофы питаться падалью.

Разумеется, нобелевским лауреатам от экономики Маркс не указ — а я тем более. Они свои бабки имеют с проповедей да обещаний, исполнять которые никто не обязан. Вознаграждается умение убедить публику в незыблемости капитализма — что подразумевает вечность каких-то фундаментальных принципов общественного устройства: достаточно открыть эти принципы и правильно их использовать, чтобы установилась в мире всеобщая гармония: капиталисты грабят, ограбленные не имеют ничего против... На худой конец, от буржуазного теоретика требуется хотя бы изобрести способ подсчета, при котором создается видимость благополучия, вопреки сколь угодно кризисной очевидности.

Когда нас решительно заверяют, что возможно повысить эффективность производства путем внедрения научной организации труда, — надо помнить, что речь идет о другом: капиталисту плевать на удовлетворение общественных потребностей — ему надо выкачать из общества побольше в свой карман. Капиталистическая «эффективность» выражается не в количестве счастья на каждую душу населения, а наоборот, в том, чтобы счастье подваливало отнюдь не каждому, чтобы одни расплачивались по счетам других. Если наука требует от капиталиста поступиться хоть капелькой прибыли — это неправильная наука, и народу она не нужна (в том смысле, что много думать вредно — если думать не о благе своих благодетелей).

Но пока гром не грянет — мужик не перекрестится. Каждый клочок относительной стабильности многократно возделан, и кормятся платоническими позывами все кому позволено и не лень. Столь презируемая апологетами капиталистической логики диалектика учит тех, кто еще способен чему-то учиться, что любой качественный скачок требует основательной подготовки, что он обязан ждать подходящего момента, а до того — постепенное накопление количественных изменений, эволюция в рамках того же способа производства (внутри одного уровня, в пределах одной стадии развития). Именно это и создает благоприятную почву для формального теоретизирования — и процветания нобелевских теоретиков. Такова природа науки: говорить об уже сложившемся и устойчивом — о том, что не испарится прежде, чем ученые господа успеют защитить диссертации, легализовать научные школы, и получить по академическим заслугам. Технократическая волна в буржуазной философии — не только подводит идеологическую базу под неприглядность капиталистической действительности, но еще и выражает идеалистические мечтания господ-экономистов об обществе, где всем заправляет научно-техническая интеллигенция, где ее ценят, холят и лелеют, и не надо вечно дрожать пред ликом скоропостижной отставки в угоду иному, столь же тухлому поветрию... Поборники рыночной конкуренции требуют признания их исключительности, выведения апологетики за рыночные рамки. Но попытка стать «выше» борьбы классов означает, между прочим, и презрение к господам, перед которыми интеллигенты обязаны выслуживаться. Здесь зародыш опасного вольнодумства — и господа это прекрасно сознают, и стараются не давать лишний раз воли искателям возвышенных истин. Пусть прислуга мнит себя хозяевами — лишь бы не домечтались до мира, свободного от всякого вообще господства и подчинения; не грех завидовать барину — беда, когда идут против устоев. Если рабы ненароком перейдут грань и попробуют подвинуть начальство — им быстро обломают амбиции и напомним про их собачье дело: интеллигенция лишь обслуживает чьи-то классовые интересы — но это не класс. Их выкрутасы терпят, пока спектакль отвлекает массы от истинного положения дел. Их наука никому не нужна в качестве собственно науки: с тем же основанием для промывки мозгов можно использовать (и используют) другие инструменты. Например, кризисы — великолепный повод поправить финансовое положение верхов за счет трудящихся масс; поэтому никакие научные открытия при капитализме в принципе не могут направлять развитие производства и общественных институтов в сторону большей разумности, бесконфликтной преемственности. Лишить капитализм кризисов — все равно что отнять у ребенка любимую игрушку. Высокие принципы, наукообразные мантры — все пригодится. А у хозяев свой расчет.

Справедливость и рабочая сила

Все давно привыкли, что классовой борьбы у нас официально уже нет — а есть борьба за социальную справедливость. То есть, предполагается, что в любом обществе должны быть богатые — и победнее, и вопрос сводится только к тому, сколько согласятся принять бедняки в качестве отступных — чтобы не портили вкус жизни тем, кто вправе вкусно жить. Например, в XIX веке 12-часовой рабочий день за пару грошей — нормально, и даже великий прогресс по сравнению с 16-часовым трудом или крепостным рабством. Сегодня так не получится: избаловался народ, привык отдавать по восемь часов пять дней в неделю — да еще и оплачиваемого отпуска требует, и пособий по нетрудоспособности, и пенсий при жизни... Разорение — да и только! Что поделаешь: призрак советской власти до сих пор тревожит господ-победителей, кошмары коммунизма заставляют их скрежетать зубами во сне, — и лучше уж откупиться по-хорошему, чем десять лет без права переписки.

Однако переплачивать тоже не резон. Значит — призвать под перо ученых экономистов, и пусть они объяснят массам, чего им давать никак нельзя без разрушения государственности и морали. Мы все за справедливость — но надо же и честь знать!

Короче, приходите вы наниматься на работу к капиталисту — и вам предъявляют точнейший расчет потребностей бизнеса, в соответствии с которым за ваш труд полагается справедливое вознаграждение — но не более того. Вы продаете рабочую силу, капиталист ее покупает — это нормальные рыночные отношения, и котируется рабочая сила на рынке по тем же правилам, что и любой другой товар. Если есть более выгодные предложения — ваш труд не купят, как бы высоко вы сами его ни ценили; а необходимость ежедневно воспроизводить вашу неповторимую индивидуальность — ваша личная проблема. Справедливо? Ну то-то же...

Есть, правда, один пункт в расчете, к которому всю дорогу придираются проклятые коммуны. По правилам рынка, на всякий вложенный капитал положены соответствующие дивиденды, и надо отстегнуть определенный процент капиталисту, чтобы у него не пропал всякий интерес к производственным затеям, и не пропил бы он с горя последний миллиард в ближайшем кабаке — только бы работягам не отдавать! А эти красные, ехидно так, замечают, что даже в дорогом кабаке выпить на миллиард физиологически невозможно, — и никуда буржуй от своих миллиардов не денется: вкладывать деньги и гоняться за прибылью велит ему объективная природа капитала, а сам не захочет — заставят и надоумят.

Много они понимают про буржуйскую физиологию! Оценивать возможности — надо финансы иметь, коих у всяческих «товарищей» отродясь не водилось (а у кого завелись, те уже никому не товарищи). Допустим, вкладывается некто в производство джинсовых валенок. Ему лично эти валенки даром не нужны: его родственников обшивают ведущие кутюрье мира по особому заказу. Можно сказать, ради пролетариата старается. Обеспечивает доступной обувью, да еще и работникам отстегивает на жизнь. Он что, не имеет при этом права просить о минимальной компенсации? Чтобы еще во что-нибудь вложиться, и еще раз кого-то облагодетельствовать. Между прочим, самый дохленький бизнес требует столько на раскрутку, сколько никому из работяг за тысячи лет не заслужить! Учитывая, что всегда есть риск потерять вложенное из-за каких-нибудь политических дрызг (которые сами же кадры по своему неразумию и наущению большевиков провоцируют), разумно потребовать дополнительных страховых отчислений, чтобы капиталисту не надо было при неблагоприятной конъюнктуре тащить из семьи на общественные нужды. Многочисленный штат жен и любовниц содержать — бремя нелегкое; куча отпрысков разной степени отдаленности — а пристраивать их в приличные заведения на какие шиши? С пролетария что возьмешь? — он гол как сокол, ему бы только день протянуть. А буржуазия — народ ответственный, о будущем думают. Если тому, кто больше радеет об общественных делах больше перепадет — разве не справедливо?

Ну что ж, господа ответственные, давайте отвечать... Вопрос номер один: а почему это, вдруг, скопилось в нескольких руках богатства больше, чем в карманах остального человечества? Нет,

не надо сказок про исторические случайности, божий дар или трудовые свершения! В нищете погибают миллионы куда более талантливых и достойных. Спрашивается: почему им даже сухой корки иной раз не достается — а вам уже и еда не вкусна без утонченных извращений. Почему кто-то должен сам себя обслуживать — а за вами бегают батальоны прислуги? Попробуйте самостоятельно наводить порядок в своих дворцах! — не потянет ли сразу на что-то поскромнее? — чтобы не бегать весь день с тряпками, коли пора пыль вытирать. Типовой ответ, что таким способом вы создаете дополнительные рабочие места, — не принимается. На деле все как раз наоборот: непроизводительное потребление выводит рабочую силу из общественного производства, и за каждое рабочее место в сфере обустройства роскошной жизни человечеству приходится платить сотнями рабочих мест в индустрии собственно общественных интересов.

Но, если на то пошло, почему вообще мы должны заботиться о рабочих местах, а не о прямом удовлетворении потребностей каждого члена общества? Чем барин лучше своего работника? Так почему буржуй получает не за отработанные часы, а из каких-то еще соображений, далеких от участия в общем труде? Даже в тех редких случаях, когда капиталист непосредственно руководит производством, его доходы никак не соизмеримы с уровнем его действительной полезности. Ссылаются на законы предпринимательства, на необходимость вращаться в высоких сферах и соблюдать формальности на благо дела... Дескать, рядовому работнику такое не по силам, тут нужен талант особого рода, деловая хватка, стратегическое мышление... Но не вы ли и установили эти законы? — и не для того ли, чтобы отлучить от реального управления производством широкие массы, которым вы же и отрезали дорогу в «высший свет» мизерными зарплатами? Разумеется, массы обошлись бы и без великосветской тусовки — дайте только настоящую работу, не на страх, а на совесть. Чтобы получать удовольствие от созидания, а не удавку наемного рабства — где стрессы вместо мечты. Власть предрежащие навязывают «низшим» классам законы наследования, устроенные так, чтобы не допустить перетекания общественного богатства от дармоедов к тем, кто это богатство создает живым трудом. И это называется справедливостью. Но дайте всем одинаковые стартовые условия, уничтожьте всякую семейственность вообще — откуда тогда возьмутся те самые миллиарды, которые буржуй берется запросто пропить? Если я не знаю, чей я сын (или дочь, или еще какой родственник), — если все дети воспитываются вместе, и отношение ко всем одинаково, — теории «голубой крови» и «родовой предрасположенности» рассыпаются в прах; исторически оно так и получалось, стоило какому-нибудь выскочке из низов закрепиться во временно пустующей культурной нише. Буржуазная пропаганда любит посмаковать биографию эдакого самоучки из трудяг, достигшего буржуазных вершин, когда общественное признание выражено внушительными суммами гонораров. Только забывают при этом добавить, что таких единицы, а большинство (без которого продвижение продвинутых было бы невозможно) продолжает сидеть в болоте и копит денежки не на трехпалубную яхту или виллу с десятком сортиров, а на банальный круассан к завтраку. А почему, собственно, талант обязан через что-то пробиваться, завоевывать свои привилегии, тем самым обрекая кого-то на бесправие? Не логичнее ли просто приложить хороший инструмент к делу, а не устраивать шумиху по поводу процесса выбора? Всякую работу можно делать по-разному — так пусть все делают, кто как умеет, и ценить мы всех будем одинаково.

Тут поборники социальной (читай: рыночной) справедливости выкладывают главный козырь: всякий труд характеризуется определенным уровнем сложности — и для многих работ нужна соответствующая квалификация. Труд квалифицированного работника ценится выше, чем труд разнорабочего — хотя бы потому, что подготовка специалиста требует определенных затрат. Сами же марксисты увязывают стоимость продукта с объемом вложенного в производство общественно необходимого труда — так почему же не подойти с этих позиций и к оценке рабочей силы? Разный уровень подготовки, разные возможности — разная зарплата.

Господа буржуазные теоретики, говоря за марксизм, забывают отметить, что теория трудовой стоимости — не изобретение Маркса; это продукт буржуазной политической экономии, а

заслуга марксизма прежде всего в том, что он указал на исторический характер стоимости как таковой, на необходимость будущего, к экономике которого это понятие просто неприменимо. В таком обществе труд нужен для удовлетворения потребностей (и нет противоречия между потребностями индивидуальными и общественными); этот свободный труд не предполагает никакого вознаграждения — и никто не станет смотреть на других, как на товар, рабочую силу. Такое сужение человеческой универсальности, сведение разума к необходимости зарабатывать на жизнь, и вообще как-то оправдывать свое существование, — пережиток тысячелетий рабства (пусть даже громко именуемого цивилизацией). И не надо делить общественное достояние на частные порции — все, что производится, должно служить всем без исключения. Если я есть — это само по себе достаточное основание, чтобы обо мне позаботиться, поскольку общество сочло необходимым произвести меня на свет. В частности, общество заботится и о том, чтобы дать мне полноценное воспитание и образование, и предоставить возможность делать то, на что я способен, чтобы и мое существование было кому-то полезно (а значит, полезно и мне). О какой «справедливости» может идти речь там, где нет общественного неравенства, где все одинаково важно для всех? Что в доме важнее: стены, потолки, крыша, — окна или двери? Глупый вопрос. Все вместе — это и есть дом.

Для тех, кто не дорос до мира без собственности, предложим задачку попроще: каким образом учесть роль рабочей силы в капиталистическом производстве, чтобы из этого следовало перерастание рыночного отношения к труду в нерыночное, разумное? Так или иначе, мы все из одного человечества, и каждый по-своему необходим, и это не зависит ни от участия в общественном производстве, ни от уровня образования (профессиональной подготовки). Да, любое различие в доходах — это уже несправедливость, как ни считай. Но мы исходим из реальности капитализма, с неимоверно расточительным механизмом рыночного распределения, так что всякий продукт, помимо возможности потребления, нагружен еще и возможностью обмена. При капитализме завершается процесс превращения продукта деятельности в чистый символ, товарный эквивалент, абстрактное число, выражение общественного неравенства. Если бы могла существовать капиталистическая экономика в чистом виде — она тут же развалилась бы в силу внутренних противоречий; но пока есть возможность подпитывать капитализм продуктами распада предшествующих формаций, пока он может продолжать питаться трупами, у него есть и запас прочности, и даже некоторое пространство для развития.

Теперь вспомним классиков: основное противоречие капитализма есть противоречие между общественной формой труда и частнокапиталистической формой присвоения. Тут нет никакой этической подоплеки, это чисто экономический закон. Всякая деятельность имеет мотив: она служит удовлетворению каких-то потребностей. Но в рыночной экономике исходный мотив всякой деятельности подменяется другим: вместо удовлетворения потребностей мы думаем о необходимости обмена (который, опять-таки, нужен не сам по себе, а как предпосылка другого обмена, и так далее). То есть, в дополнение к действительной ценности продукта как предмета потребления, у него появляется еще и «мнимая», рыночная ценность — (меновая) стоимость. Именно она и превращается впоследствии в капитал.

Если в плане потребления каждый продукт уникален — в роли товара он ничем не отличается от других. Сфера реального производства бесконечно разнообразна, многомерна; сфера обмена сводится всегда к одному. Где-то мы встречали уже что-то похожее... Ах да, это же школьная физика: многомерное пространство — и одномерное время. Физические «теории всего» могут наращивать число пространственных измерений — при сохранении выделенной временной координаты. Если при этом зафиксировать максимальную скорость (интенсивность обращения капитала), автоматически приходим к теории экономической относительности...

Но это лирическое отступление. Вынесем из него только одно: стоимость — аналог времени. Сколько поработали — столько и наработали. Одни трудятся — другие их труд присваивают и сколачивают на этом капитал.

А если теперь, при сохранении общей схемы, убрать момент присвоения и с самого начала

считать любой продукт частью совокупного общественного продукта? Пусть одни продукты пока обмениваются на другие — но все они принадлежат обществу в целом, коллективному субъекту, так что производство теперь регулируется не частной инициативой (жаждой наживы), а интересами этого глобального субъекта, его планами. В результате мы, вроде бы, сохраняем удобство чисто количественного учета — а с другой, имеем рычаги рыночного регулирования, которые предположительно можно приспособить к установлению социальной справедливости. Такая «гибридная» экономическая конструкция называется социализмом.

Сразу отметим: поскольку речь не идет об изменении самой основы — товарного обмена, экономические принципы социализма прекрасно вписываются в капиталистическую формацию и позволяют в каких-то исторических условиях добиваться впечатляющих экономических успехов при сохранении социальной стабильности. С другой стороны, если поставить себе противоположную цель — переход к бесклассовому обществу, — социализм становится естественным промежуточным этапом. Однако абстрактная эклектичность социализма, попытка соединить несовместное, делает его принципиально неустойчивым: либо надо идти вперед и последовательно устранять различия в доступности предметов материального или духовного потребления, истреблять всякую собственность (а следовательно, и сферу обмена как таковую), — либо мы опять скатимся в обыкновенный капитализм, со всеми вытекающими последствиями...

Тем не менее, социалистическая модель позволяет посмотреть на механизмы рыночной экономики как бы со стороны: вместо хаоса единичных бизнесов мы говорим об экономике в целом и потому можем свести воедино то, что в реальной жизни кажется совершенно различным. В частности, снимается характерное для капитализма противопоставление производства и обращения, когда стоимость как мера трудозатрат кажется никак не связанной с рыночными ценами. Если товарный обмен рассматривать как особую сферу деятельности, механизмы производства стоимости на рынке работают точно так же, как на любом капиталистическом предприятии: поскольку продукт производится на продажу, а не ради удовлетворения потребностей, вывести его с рынка в сферу потребления может быть непросто; рыночная цена, таким образом, играет роль стоимости по отношению к процессу «реализации».

Итак, согласно трудовой теории стоимости, в каждом трудовом акте некоторое количество ранее созданного продукта перерабатывается живым трудом и создается новый продукт, стоимость которого заведомо больше исходной. Таким образом, в процессе труда совокупная стоимость общественного продукта никак не может уменьшиться — поскольку люди в любом случае заняты в производстве какое-то конечное время. С формальной точки зрения кажется, что кое-кто больше занят не производством, а разрушением; точно так же, при «личном» потреблении, продукт, казалось бы, напрочь уничтожается — и стоимость исчезает. Но в экономике нет ничего личного: воспроизводство рабочей силы — ничем, по сути, не отличается от любого другого производства, а умения, навыки, жизненные силы — такой же товар, как и все остальное. Стоимость не уничтожается, она лишь переходит из одной формы в другую. Даже если исчезнет человечество, и все его культурные достижения пойдут прахом, состояние мира уже не будет таким, как до человека, и отпечатки сознания достаточно развитый разум умеет обнаружить в сколь угодно глубоких пластах энтропии. Конечно, современный человек далеко не во всем ведет себя как разумное существо; там, где он уходит от деятельности в животное-растительное существование, он подобен любой природной стихии, и здесь речи нет о труде, о творчестве, о созидании — хотя бы и в столь ограниченной форме как порождение стоимости.

Можно было бы предположить, что для каждого продукта существует некоторая норма расхода накопленной стоимости на единицу продукции: с одной стороны, изготовление чего угодно требует определенных исходных материалов, инструментов и организационных условий — все это традиционно именуют постоянным капиталом, полагая, что его стоимость в полном объеме входит в стоимость продукта; с другой стороны, чтобы привести постоянный капитал в движение (переработать его в продукт), требуются определенные трудозатраты. Капиталист

полагает, что ему достаточно купить труд по его текущей стоимости — то есть, с учетом прямых затрат на воспроизводство рабочей силы (для чего придуман термин «переменный капитал»). Эти расходы для капиталиста ничем не отличаются от всех прочих вложений, и в процессе производства рабочая сила расходуется точно так же, как, например, изнашивается оборудование. Но амортизация включена в постоянный капитал — и предполагается, что заработной платы работнику достаточно для восстановления сил, так что уровень доступности рабочей силы на рынке остается прежним. Больше ничем, наниматель, вроде бы, работнику не обязан, все по справедливости... Когда в процессе производства каким-то чудом возникает прибавочная стоимость, капиталист полагает своим долгом ее беззастенчиво присвоить: дескать, он организовал производство — ему и пенки снимать.

Логика, по меньшей мере, странная. Да, время от времени кто-то из хозяев действительно участвует в организации производства (а не нанимает для этого специалистов-управленцев); кое-кто даже трудится на производстве, рядом и наряду с наемными работниками. Это, скорее, редкое исключение, — и чем дальше, тем реже, — но бывает. Однако, по логике, такой труд оплачивается по действующим расценкам и становится частью переменного капитала — никаких преимущественных прав на присвоение продукта у хозяина (а тем более у членов его семьи) не возникает. Таким образом, всякое присвоение продуктов труда частным лицом или группой лиц есть элементарная кража, посягательство на то, что им никаким боком не принадлежит. Соответственно, вкладывая капитал в производство, предприниматель отнюдь не оказывает кому-то благодеяние — он лишь (частично) возвращает ранее награбленное (в надежде награбить еще больше).

Вот это Маркс и формулирует как всеобщий динамический закон рыночной экономики⁶:

Прибыль капиталиста получается оттого, что он может продать нечто, чего он не оплатил.

Здесь *вся* суть. Следствие первое: если честно за все платить — прибыли не будет. Следствие второе: если некто заявляет, что разбогател честным трудом, — см. следствие первое. Любые организационные таланты капиталиста сводятся к умению где-то что-то незаметно урвать. Потом на ворованные деньги можно нанять ученых умников, которые популярно объяснят народу, что все правильно, а иначе и быть не должно. Заодно прикупить энное количество подонков, готовых рвать глотки всем, кто посягнет на священное право собственности. Когда все оплачено — это называется демократией. Такова буржуазная справедливость.

Теперь о другой справедливости. Может показаться, что продукт труда принадлежит тем, кто его произвел; эту мысль внушают массам некоторые поборники социальной справедливости. Что-то вроде натуральной оплаты: делаешь посуду — получи кастрюлями, создаешь единую теорию поля — пожалуйста, оклад интегралами... Но если в производстве некоего продукта занято какое-то количество людей, значит ли это, что именно они его произвели? Ничего подобного. Люди, ведь работают не в вакууме, они на каждом шагу используют труд других людей. Станок потребляет электроэнергию — кто-то сейчас эту электроэнергию вырабатывает; выработка энергии требует топлива — кто-то его добывает именно сейчас. Каждый в любом деле не только занят непосредственно с теми вещами, которые ему предстоит преобразовать в другие вещи, — каждый косвенно участвует в труде всех остальных членов общества, потому что не может оно быть таким, как оно есть, без любого из этих, казалось бы, незначительных оттенков общественного бытия.

Формально это представляется включением прибавочной стоимости в сумму постоянного и переменного капитала, вступающего в последующие акты производства. Капиталист, ведь, присвоив прибавочную стоимость, не вычитает ее из цены товара — наоборот, именно дополнительная выручка определяет размер присвоенного. В социалистической модели это означает, что каждый цикл воспроизводства порождает новую стоимость, которая целиком

⁶ «Капитал», т. 3, гл. 2 — *Соч.*, т. 25, ч. I, с. 49.

участвует в следующем цикле воспроизводства. Собственно, так выражается на грубо количественном языке простой факт, что всякая сознательная деятельность осмысленна, что ее продукт всегда важен не сам по себе — а как предмет (производственного) потребления, как условие будущей деятельности. Животное живет здесь и сейчас; человек разумный заботится о будущем — и для этого помнит о прошлом.

Дальше есть разные варианты. Простое воспроизводство увеличивает сумму общественного продукта чисто количественно, сохраняя структуру производства (а следовательно, и культуры в целом). В частности, на одно и то же количество постоянного капитала c приходится столько же переменного капитала v , и наоборот (в марксизме отношение c/v называют «органическим строением»). Понятно, что такое экстенсивное развитие возможно лишь в ограниченных пределах — по разным причинам. Примитивно-мальтузианские аргументы насчет ограниченности природных ресурсов в каких-то условиях тоже работают. Но человек не животное — он не просто захватывает ареал, он активно вмешивается в природные процессы, устраивает мир по-другому. И в итоге его собственная деятельность становится иной. Накопленный опыт производства становится одним из условий будущего производства, которое организовано более рационально, использует открывающиеся по ходу деятельности новые возможности. В плане органического строения это означает, что при относительно небольшом росте переменного капитала мы обеспечиваем переработку значительно больших масс постоянного капитала; происходит это как в силу увеличения производительности труда (за то же время — сделать больше), так и по мере накопления прошлого труда в средствах производства, их эффективного «удорожания» (то есть, по сути дела, за счет вовлечения в производство все новых «косвенных» участников). Переменный капитал представляет непосредственно занятых в производстве; постоянный капитал в итоге представляет все остальное человечество. Рост органического строения капитала в процессе расширенного воспроизводства означает возрастание общественного характера труда — и постепенное утверждение в сознании того факта, что трудится не кто-то персонально, а все человечество трудится в нем и через него. Так утверждается единство разума — и неразумность общества, основанного на эксплуатации человека человеком.

Но пока в мире господствует капиталистический способ производства, и даже социализм терпят лишь в качестве абстрактной идеи, неосуществимой в сколько-нибудь значительных масштабах, приходится откапывать рациональные зерна в том, что есть. Дикую природу тоже можно изучать и к чему-то приспособливать. Без капиталиста нет капитализма; это не тавтология, это выражение исторической необходимости. Первобытное человечество не так просто связать в единство более высокого уровня, в человечество как коллективный разум. Приходится на первых порах нащупывать дорогу, пробовать самые жуткие комбинации... Цивилизация вырабатывает рыночные механизмы объединения, и единственной возможностью поддержать рынок на плаву становится личный интерес капиталиста, его хищнический инстинкт. Пока у человечества нет более эффективных методов перезапуска производства на каждом цикле, приходится отстегивать капиталисту его дивиденды, несоизмеримые с его реальной рыночной ценой. Когда у нас нет ничего, кроме спичек, мы можем, в конце концов, наладить производство мебели из спичек, и строить из них дома... Когда-нибудь разживемся более подходящими технологиями — и будем с содроганием вспоминать, как мучились прежде.

Общество далекого будущего, в котором все бесконечно ценно, не нуждается в поисках справедливости. При капитализме — остается только вскрывать мошеннические выверты, коими буржуазные экономисты пытаются оправдать всеобщее зверство в глазах обывателя. Вольное обращение с понятиями стоимости и цены — обычный трюк. Произвольно подставляя одно на место другого, можно легко запутать даже опытного теоретика (особенно если он сам за приличное вознаграждение запутаться не прочь). Если мы купили рабочую силу по дешевке, это не означает, что она ничего не стоит; это лишь признак недостаточной ликвидности, насаждаемой капиталистическими правительствами отнюдь не рыночными методами. Когда

рабочий не может, не вправе потребовать, чтобы ему полностью возместили трудозатраты, — кому выгода? На скудные доходы наемных работников накладывают лапу всевозможные банки и фонды: каждому отстегни за «обслуживание»! И отказаться нельзя: таков закон.

Но если помнить, что стоимость порождается трудом, легко оценить, насколько не отвечает капиталистическое мироустройство идее социальной справедливости. Зафиксируйте цены, подсчитайте в сравнимых ценах полный объем продукции за какой-то период — и разделите на количество живущих на Земле (безотносительно к формальному участию в производстве). Вот первая оценка справедливого распределения благ. Капиталист попытается вычестить из общей суммы то, что должно быть снова направлено в производство — не верьте ему: инвестиции, ведь, не с потолка, они чья-то собственность — так почему не ваша? Другой подход — взять за единицу стоимость общественного продукта в целом; при заданном органическом строении, заработная плата (цена рабочей силы) будет зависеть только от количества населения, а цены будут снижаться с увеличением объемов производства. И снова: каждый имеет право на свою долю совокупного продукта, и нет у капиталиста никаких особых прав. Но и это — в рамках капитализма, только в условиях рынка. Формально-арифметический вывод об относительно большей ценности каждого там, где рабочая сила в дефиците, — отрывка буржуазной политической экономии. Человек ценен для общества не тем, что без его рук не обойтись, а тем, что он человек, разумное существо, способное принять участие в любом труде — и свободно принять решение, где и как реализовать свои способности. А если не клеится что-то в экономике — надо не взывать к справедливости самоограничения, а переделать мир так, чтобы избавиться от любых границ.

Психология свободы

Когда Энгельс описывал, как на излете античного рабовладения внутренний протест раба принимал форму варварского отношения к средствам и орудиям труда [21, 148–149], он забыл отметить, что с утверждением феодализма и капитализма эта напасть никуда не исчезает, но приобретает тысячи новых оттенков, врастает в плоть и кровь цивилизованного человека, независимо от классовой принадлежности. Избавиться от экономического варварства можно только с уничтожением цивилизации.

Бесправное существо не признает собственного бесправия — но не понимает, что подражание угнетателям, демонстративное утверждение власти над теми, кто (или что) стоит еще ниже в общественной иерархии, не утверждает человеческое достоинство, а наоборот, закрепляет и культивирует то самое экономическое неравенство, против которого всякий раб инстинктивно восстает. Многочисленные мятежи всех веков были изначально обречены, поскольку они не выводили экономику на другой уровень, когда изменение способа производства делает ненужным противостояние классов.

Для человека любая вещь — продукт труда. Поэтому отношение к вещам есть прежде всего отношение к людям. Когда продукт отчужден от производителя — он противостоит человеку как мертвая природа, как враждебная стихия. И человек борется с ней как умеет. Однако по содержанию — это борьба с теми, кто обрекает человека на вечно существование, превращает его в игрушку стихий. Раб намеренно портит орудия — и владелец несет убытки, и вынужден как-то выкручиваться, компенсировать потери, — а значит, становится в положение раба! Так, в извращенной форме, восстанавливается равенство угнетенных и господ. Которое, в частности выражается в отсутствии интереса к совершенствованию средств производства и технологий, применении примитивных орудий, которые труднее испортить и дешевле восстановить. Экономический застой в античной Европе положил конец многовековой истории рабовладения. Парадоксальным образом, способ производства разрушивших империю орд дикарей стоял на более высокой ступени развития, и победила не сила оружия, а экономическая необходимость.

Однако рабовладение полностью выполнило свою главную задачу: в поздней античности идея собственности стала краеугольным камнем экономики, вытеснив на отдаленнейшую периферию остатки первобытного коллективизма. Рабство — преувеличение принципа, явный пережест, когда собственность на вещи распространяется и на людей; но решение проблемы найдено не в уничтожении всякой собственности как экономической основы общественного неравенства, а наоборот, в закреплении ее общественного статуса — формальном выводе человеческих отношений из сферы материального производства. Собственниками стали все; сбылась мечта многих поколений рабов — и мечтать, вроде бы, уже не о чем. Поначалу эта хмельная свобода стимулировала экономический интерес, заставляла бережнее относиться к своему имуществу — а через это и к совокупному общественному продукту. Вскоре выяснилось, что формальное равенство не отменяет фактических различий, и на место права собственника встает право силы. Человек уже не принадлежит другому человеку — но одни полностью зависят от других и вынуждены уступать часть продукта, чтобы не лишиться всего. Поскольку же единой системы таких зависимостей еще нет, возникает иллюзия сознательного выбора: просить одних о защите от других. Экономическое освобождение рабов подкреплено субъективным чувством.

По мере выстраивания новой общественной иерархии, иллюзии понемногу развеиваются. В полном своем развитии, феодальная зависимость мало чем отличается от рабства. Более того, если раньше речь главным образом шла о противостоянии свободных и рабов, — феодализм не только крепостничество, но и сословное неравенство, деление на касты, диктат общины. Человек снова в плену, в темнице: его не лишают собственности, но запрещают ею свободно распоряжаться, — и в итоге окончательно исчезает тот самый экономический интерес, на котором держалось раннее средневековье. И снова стремление вырваться, сбросить цепи. Хотя бы ценой собственной жизни. Жгут не только усадьбы и монастыри, — уничтожают и свою собственность, которая уже не кажется своей. Начинается новый виток истории цивилизации, когда способ производства сдерживает экономическое развитие — и нужна революция.

Решение и в этот раз на путях укрепления института собственности: формально упразднена ограничивающая собственника система сословных привилегий (право сильного) — так что единственным регулятором общественных отношений становится рынок, система обмена правом собственности на продукты общественного труда. Каждый выходит на рынок со своим товаром, наравне с другими собственниками, и никто, вроде бы, не вправе ущемлять рыночные права других. Правда, оказывается, что за место на рынке тоже нужно платить, — иногда значительно больше, чем бедняк может себе позволить... Но существующие органы классового насилия теперь, якобы, не обслуживают интерес господствующего класса, а служат делу сохранения и преумножения свободы торговли, добросовестно уравнивают шансы на победу в бесконечной войне всех против всех. Предполагается, что собственность — это единственное, ради чего стоит существовать; кто против — тот безумец, маньяк, нарушитель общественного спокойствия и барского благоденствия. Достижения античности не просто подтверждены законом — они обожествлены, поставлены выше других религий.

Поскольку при капитализме собственностью становится вообще все, снова парадокс: на новом уровне, капитализм возвращает в экономику право собственности на человека. Да, каждый, вроде бы, сам себе хозяин; но когда другой собственности нет, человек вынужден продавать себя, превращать себя в безликую рабочую силу, отчуждать себя от себя. И уж если кто-то себя продал — машина капиталистической законности обеспечит права нового собственника, независимо от претензий материального носителя. Рабство прет из каждой поры капитализма, и недаром новое время озаменовано повсеместным подъемом рабовладения, включая как формы двухтысячелетней давности, так и средневековый культ насилия.

Легко видеть, что сведение всего богатства производственных отношений к одному лишь рыночному обмену фактически уничтожает человеческую свободу: собственность теперь не право, а обязанность, и распоряжаться собой каждый может лишь посредством купли-продажи. Кто вне рынка — просто не существует, его без оглядок на нравственность используют как

сырье. Личное потребление ограничивается рамками воспроизводства товарности, любое имущество — только в качестве рыночного обеспечения. Богатые обязаны богатеть; бедные вынуждены разоряться. В этом смысле капиталистическое рабство — шаг вперед, по сравнению с рабством сословным: ему подвержены все. Это снова напоминает об античной дуальности раба и хозяина.

Но вместе с остальными древностями капитализм воспроизводит и экономическое варварство. Рыночные войны беспощадны к вещам: уничтожается все, что не дает прибыли. Разумеется, под предлогом поддержания стабильности рынка, ради всеобщего (то есть собственнического) благоденствия. Это касается и человека как товара: человеческая жизнь при капитализме имеет рыночную цену, и лишний миллион трупов не остановит капиталиста, если в перспективе хороший навар. Разменной монетой становятся народы и государства. Значительная часть производственных мощностей занята не удовлетворением общественных потребностей, а наоборот, ограничением доступа к потреблению, сохранением примитивных рыночных структур и сдерживанием передовых технологий. Непроизводительные расходы ложатся тяжелым бременем на плечи рядовых членов общества — но это ни у кого не вызывает принципиальных возражений: таковы законы рынка.

Существенная особенность капиталистического способа производства — перенос тех же законов в сферу духовного воспроизводства. Уродовать души столь же позволительно, как портить вещи, продукта труда. Капиталист покупает рабочую силу — и ему не надо, чтобы эта абстракция думала. Отсюда тенденция к унификации, стандартизации, обезличиванию труда: одного всегда можно заменить другим, система образования лишь воспроизводит типовой набор умений, шестеренки производства штампуют на конвейере. Поскольку же никаких интересов, кроме рыночных, работнику иметь не положено, люди по большей части уже не способны на развитые душевные движения, и снизу кричат в едином порыве: *не заставляйте нас думать!* Оскотинивание масс открывает возможности, которые античным рабовладельцам и не снились. Рабы не хотят быть говорящими орудиями — они предпочитают перейти в разряд животных (*instrumentum semivocale*) и вообще забыть о собственной разумности.

Конец XX века все больше напоминает о том самом безразличии к труду, которое погубило и рабовладельческую формацию, и феодализм. Работают тени людей. Которым все равно, что и зачем они делают, — лишь бы вовремя выплачивали зарплату. Искусственными приемами кое-где еще пытаются создавать корпоративный дух — но это воспринимается как еще одна обязаловка, от которой при возможности надо бы увильнуть. Оттрубить от звонка до звонка — и больше спросу нет. Рыночное мышление: не дать больше, чем оплачено. Трагедия в том, что сверх оплаченного — за душой и нет ничего! Это в полной мере проявляется в том, что и как мы делаем после работы.

Великое завоевание веков классовой борьбы, свободное время, — стало для современного человека проклятием. Его приходится убивать. Разумеется, речь не о той половине населения планеты, которой не до роскоши, и приходится круглыми сутками, без выходных, вкалывать ради скудного достатка — а его едва хватает, чтобы не откинуть копыта. В качестве ориентира берем относительно развитые страны, в их относительно развитой части, где оседает больше половины мирового богатства. Производительность труда не то чтобы зашкаливает — но ее хватает на то, чтобы впихнуть положенный по производственной карте функционал в отведенные сколько-то часов. А дальше?

Человеку дали кусочек свободы — но не сказали зачем. Поскольку цивилизованного обывателя не должно интересовать ничего кроме денег, весь смысл его существования остался там, на чужом производстве; все происходящее вне рынка не оплачивается — и, следовательно, никому не нужно. Даже имея в собственности какие-то средства производства, человек не сможет монетизировать плоды свободного (от рынка) труда — а тогда зачем производить? Остается одно: потреблять. Безудержно и разгульно. Без оглядки на собственные потребности и общественный резонанс. Шопинг, праздники и гулянки, ресторанные посиделки; пляжные

отпуска и экстремальный отдых; пьянство, бордели, религия — и прочая наркота; все это призвано поскорее разбазарить накопленное, чтобы потом снова и снова продаваться, и снова в потребительский угар. С точки зрения капиталиста, это еще одно производство — воспроизводство рабочей силы. Но капиталисту не нужно, чтобы в этой сфере производили больше, чем он может купить без ущерба для жиреющего капитала. Парадокс в том, что и капитал в итоге уже ни к чему — поскольку возможности сбыта ограничены, и остается лишь уподобиться рядовым гражданам и потреблять, потреблять... Вот оно, всеобщее равенство! Другое дело, что уровень потребления у капиталиста совсем не тот: приходится беситься с жиру. Бросать деньги на ветер. Кто подхватит — тоже немножечко разжиреет, и будет тупить в меру своих возможностей. Иерархия непроизводительных трат усугубляет экономические проблемы — и тут в самый раз очередной кризис, война, эпидемия, или иной природный катаклизм... Когда населению не к чему себя приложить — людишек уничтожают. Снизу вверх: первыми в очереди те, кто победнее.

В достаточно развитых сообществах некоторый резерв развития может существовать десятилетиями. Например, относительно доступная образовательная система позволяет потратить заработанное на повышение квалификации, овладение смежными и не смежными специальностями, — в расчете на потенциальное повышение своей рыночной цены. Однако на рынке быстро устанавливается равновесие, и на квалифицированные кадры спроса уже нет. Некоторым удастся использовать свободное время, чтобы придумать нечто необыкновенное, — и захватить еще свободную нишу. Выбиться в мелкие капиталисты. Рыночные ворота не приветствуют эту самостоятельность, и ограничивают возможности, — но держат в качестве клапана, чтобы экономика не слишком быстро перегревалась. В любом случае такой путь далеко не для всех, и вместо своего дела приходится воспроизводить лишь свое тело, с минимальными неорганическими расширениями, в виде кредитной истории. Тоска, полная безысходность.

Откуда у таких уважение к вещам (а следовательно, и к людям)? Продукты чужого труда — не каждому по карману; свой труд продан и стал таким же чужим. Что не мое — зачем беречь? А мое — все равно ни для чего, и его тоже беречь незачем: своя рука владыка — и делаю, что хочу. Нищета смыкается с барством — две стороны одной дикости. Ненависть к верхам — купающимся в роскоши; ненависть к низам — за возможность тратить больше, чем они. Необходимость продавать себя — и вынужденные траты на поддержание социального статуса. И страх: успею или нет до очередного стихийно-экономического бедствия? У всех, снизу доверху. Технологии пропаганды искусственно раздувают страхи низов — но верхи боятся придуманных ими монстров ничуть не меньше. От неуверенности — кредиты: ждать нельзя, надо взять все возможное сейчас. Капитализм — мир без будущего. И о прошлом стараются не вспоминать.

Понятно, что о качестве продукта вспоминают лишь там, где наклеивается соответствующая надбавка к цене. Можно производить любую дрянь — лишь бы суметь впарить ее тем, кому другое не по деньгам. Халтура насаждается сверху: пусть я построю плохую дорогу — но сейчас, пока сам могу на этом наварить; потом все рухнет — но это уже не моя проблема. Халтура превращается в стиль работы низов: сбегать проект, отчитаться, получить гонорар, — и поскорей к себе, в болото халтурного потребления. Вместо эффективности производства — имитация кипучей деятельности.

Будет в таких условиях работник заинтересован в развитии технологий? Да, будет. Но лишь в той мере, в которой новые технологии освобождают его от необходимости думать и учиться. Когда-то марксисты разоблачали антигуманную суть конвейерных технологий; однако, верно усматривая животность такой экономики, они упустили из виду интересы того самого наемного персонала, за которое, якобы, шла борьба. А персонал стремился к одному: стать тупее, не думать — и спастись таким образом от ответственности за будущее человечества. Любое усложнение трудовых операций, изменение последовательности и ритма, — посягательство на нашу тупость! Стихийный протест выводит на улицы толпу без принципов — которой даже

протестовать лень. Скучная тусовка, тоска без просвета, — начинаются драки и погромы... Не смогли проповедники светлого будущего ничего предложить взамен.

В конце XX века вырождение полетело стремительно, за одним рубежом сметаем другой. Компьютеры посулили именно то, чего требуют трудящиеся массы: думайте за нас — а мы будем только кнопки нажимать, в раз и навсегда заученной последовательности. Как все это работает — никому дела нет; лишь бы поменьше трудовых движений. Не усложняйте интерфейс — лишние возможности только пугают! Нужна только одна большая кнопка: чтобы нажать — и все получится. Даже и это кое-кому в тягость, и надо учить машины реагировать на голос, на мимику и жесты, — а в перспективе просто регистрировать активность нейронов. Человек окончательно превращается в кусок мяса, гальванизированный по последнему слову электроники.

Люди (точнее, то, что могло бы ими стать) не хотят ничего нового. Даже доступные средства обучения им не нужны — только из-под палки. А на палку — все тот же ответ: саботаж, разрушение средств труда, пробуксовка производственного процесса. Зачем тогда развиваться компьютерам? Только для того, чтобы не развивались люди...

Современное компьютеризованное производство в субъектном аспекте не отличается от позднесредневековой мануфактуры. Живые машины ему только мешают. И оно настоятельно требует исключения этого неэффективного звена. Возможно, это предвестие грядущего краха капитализма — и вместе с ним цивилизации, классовой экономики как таковой. Хорошо, если кто-то до этого доживет. Но могут и не дожить. Потому что есть второй путь: озверевшее человечество уничтожит себя и очистит место для кого-то другого, кто, может быть, поступит разумней. А может быть — не останется вообще никого.

СОДЕРЖАНИЕ

Органичная экономика?.....	1
Об организации науки.....	2
Уровни распределения.....	4
Жизнь в долг, смерть в рассрочку	7
О прибавочной стоимости	10
Транспорт и разум.....	13
Экономика услуг	17
Экономика и математика	21
О комплексной экономике.....	24
Примитивы экономической логики.....	27
Наука и расчет	29
Справедливость и рабочая сила	33
Психология свободы	39